

Н.Водовозов

Антон Павлович
ЧЕХОВ

Госкультпросветиздат · 1954

ВВЕДЕНИЕ

«...Я хотел бы объяснить вам в искреннейшей горячей любви, кою безответно питаю к вам со времен молодых ногтей моих, я хотел бы выразить мой восторг перед удивительным талантом вашим, тоскливым и за душу хватающим, трагическим и нежным, всегда таким красивым, тонким»¹, — писал в 90-х годах прошлого века молодой Горький А. П. Чехову.

А несколько позднее, в 1900 году, он же говорил о Чехове: «Как стилист Чехов недосягаем, и будущий историк литературы, говоря о росте русского языка, скажет, что этот язык создали Пушкин, Тургенев и Чехов»².

Значение Чехова в истории великой русской литературы огромно. Его творчество формировалось в обстановке 80-х годов прошлого века, когда реакция душила все прогрессивные силы в нашей стране, когда революционное народничество потерпело крушение и преобладающая масса русской интеллигенции оказалась на распутье, идейно обезоруженной.

В этот период лучшая часть русской демократической интеллигенции не могла удовлетвориться личным благополучием, борьбой за постепенное, частичное улучшение общественной жизни и мучительно тяготилась своим «идейным бездорожьем», обывательским болотом, в которое она погружалась. Сознание бесплодности так называемых «малых дел» и постоянная тоска по большим «идеалам» вызывали неудовлетворенность.

Чехов с присущей ему художественной зоркостью сумел увидеть этот конфликт в жизни многих людей «эпохи безвременья». С непревзойденной силой и мастерством он осветил в своих произведениях личную неустроенность людей, утративших общую идею, способную объединить, поднять их на борьбу во имя великих общественных задач.

Чехов не мог не видеть, как в условиях социального неравенства, грубого деспотизма, с одной стороны, и полного беспра-

¹ «Литературная газета», 10 декабря 1953 г.

² М. Горький. Собр. соч., т. 23. М., Гослитиздат, 1953, стр. 316.

вия и беззащитности — с другой, в атмосфере припигженности, раболепия, обывательской тупости гибнут лучшие чувства людей. Изменить эту жизнь, сделать ее лучше может только работа, большая работа. Он часто восклицал: так жить больше невозможно! И Чехов верил в иную жизнь, верил в прекрасное будущее. Недаром в одной из его поздних пьес герой говорит: «Пришло время, надвигается на всех нас громада, готовится здоровая, сильная буря, которая идет, уже близка и скоро сдует с нашего общества лень, равнодушие, предубеждение к труду, гнилую скуку». В этом заключалось объективное революционное значение творчества Чехова.

Современная Чехову либерально-народническая критика не могла дать правильную оценку творчества великого русского писателя, она упрекала Чехова в безидейности, в отсутствии миросозерцания. «Его упрекали, — гневно возражал Горький, — в отсутствии миросозерцания. Нелепый упрек! Миросозерцание в широком смысле слова есть нечто необходимо свойственное человеку, потому что оно есть личное представление о мире и о своей роли в нем... У Чехова есть нечто большее, чем миросозерцание, — он овладел своим представлением о жизни и таким образом стал выше ее. Он освещает ее скуку, ее нелепости, ее стремления, весь ее хаос с высшей точки зрения»¹.

¹ М. Горький. Собр. соч., т. 23. М., Гослитиздат, стр. 316.

I

Антон Павлович Чехов родился 17 января (29 января по новому стилю) 1860 года в городе Таганроге. Его отец, Павел Егорович Чехов, был сыном крепостного крестьянина, выкупившегося на свободу.

Дед писателя Егор Михайлович Чехов определил своего сына Павла приказчиком к таганрогскому купцу Кобылину. Павел Егорович недолго оставался в приказчиках. Вскоре ему удалось открыть собственную мелочную лавочку.

В 1854 году он женится на Евгении Яковлевне Морозовой.

Спокойная жизнь семьи Чеховых в Таганроге продолжалась недолго. В 1855 году, во время Крымской войны, когда корабли английского военного флота проникли в Азовское море и подвергли бессмысленной, жестокой бомбардировке Таганрог, многие жители города, и в том числе Чеховы, вынуждены были искать безопасного прибежища в ближайших селах. Павел Егорович с Евгенией Яковлевной добрался до слободы Крепкой в 6 километрах от Таганрога.

По окончании Крымской войны Павел Егорович вернулся с семьей в Таганрог. Но прежнего благосостояния своего вернуть уже не мог. Семья росла, а дела становились все хуже. Пришлось переехать на городскую окраину и там арендовать дом. В первом этаже разместился «магазин», попросту бакалейная лавочка, в которой наряду со всякой снедью — сахаром, колбасой, селедками, макаронами, чаем и кофе — продавались керосин, сальные и стеариновые свечи, мыло, духи, нитки, пуговицы, гребенки, касторка, чернила и т. д. Каждого товара — всего на несколько рублей. Дневной оборот этого «торгового предприятия» был ничтожный. Штат «магазина» состоял из самого Павла Егоровича и двух служащих-мальчиков: Андрюшки и Гаврюшки.

Павел Егорович мало интересовался своей лавочкой, хотя и видел, что торговля в ней идет день ото дня хуже. Богато одаренная натура, он был больше художником и музыкантом, чем торговцем. Самоучкой он выучился рисовать красками, играть

на скрипке. Наибольшей его страстью было хоровое пение. Но дома, в семье, Павел Егорович был суров и деспотичен.

С детских лет в молодом Чехове начинает расти протест против жестокости, грубости и лжи окружавшей его буржуазно-мещанской среды. В своих произведениях он не раз обращался потом к мрачным картинам своего детства, и всегда с горечью и негодованием. Так, в большой повести «Три года» главный ее герой Лаптев говорит: «Я помню, отец начал учить меня или, попросту говоря, бить, когда мне не было еще пяти лет. Он сек меня розгами, драл за уши, бил по голове, и я, просыпаясь каждое утро, думал прежде всего: будут ли сегодня меня бить?.. Когда мне было восемь лет, меня уже взяли в амбар (в торговлю отца), я работал, как простой мальчик, и это было нездорово, потому что меня тут били почти каждый день. Потом, когда меня отдали в гимназию, я до обеда учился, а от обеда до вечера должен был сидеть все в том же амбаре».

Но разве не то же самое говорил Антон Павлович Чехов от своего имени во многих письмах к близким людям? Суровый характер отца, его деспотизм, переходящий в самодурство типичного представителя «темного царства», раскрывается, например, в письме Антона Павловича к брату Александру (1889 г.): «Деспотизм и ложь исковеркали наше детство до такой степени, что тошно и страшно вспоминать. Вспомни те ужас и отвращение, какие мы чувствовали во время оно, когда отец за обедом поднимал бунт из-за пересоленного супа или ругал мать душой... Деспотизм преступен трижды!».

II

В 1867 году семилетний Антоша вместе со старшим братом Николаем был отдан в греческую школу таганрогского грека Вуцины. В этой школе было пять классов, помещавшихся в одной комнате. Ученики, сидевшие в первом ряду, считались первоклассниками и проходили греческую азбуку и письмо; во втором ряду сидели второклассники, в последнем — ученики старшего, пятого класса, изучавшие греческие синтаксис и историю.

В школе Вуцины, кроме частого применения телесных наказаний, практиковались и другие способы наказания провинившихся мальчиков. Виноватого Вуцина ставил перед кафедрой и заставлял каждого ученика обзывать его мерзавцем и плюнуть ему в лицо.

Впечатления суровой, жестокой жизни дома и в школе глубоко западали в душу мальчика-Чехова. Он с настороженным вниманием приглядывался к людям, учился различать под внешним благообразием черты звериных отношений между людьми, бесправие бедных и униженных.

Год проучился Антоша в частной школе Вуцины, получив даже наградной лист с надписью «эпимелис», то есть «прилеж-

ный». Но знаний никаких он не приобрел. Отец взял обоих сыновей из греческой школы в 1868 году и отдал Антошу в подготовительный класс мужской гимназии в Таганроге.

Таганрогская гимназия, которая, впрочем, была как две капли воды похожа на все казенные гимназии царской России, дала материал Чехову для создания типического образа учителя Беликова, «человека в футляре», которым писатель заклеил бездушных чиновников царского министерства народного просвещения. И разве не сам Чехов говорил в конце рассказа «Человек в футляре» устами другого — молодого, протестующего учителя: «Эх, господа, как вы можете тут жить! Атмосфера у нас удушающая, поганая. Разве вы педагоги, учителя? Вы чиновралы, у вас не храм науки, а управа благочиния, и кислотиной воняет, как в полицейской будке».

Дома, в знакомых семьях, в гимназии Антоша Чехов видел лицемерие, ложь, прикрывавшие отвратительную грубость. В нем все более и более укоренялось желание разоблачить эту ложь, росла любовь к простоте, к правде. Уже тогда он понимал, что умиляться чему-нибудь в той жизни, которая окружала его, не было никаких оснований. Уже тогда он почувствовал, что сильнее врагом пошлости, самодовольства, лжи и деспотизма являются веселый смех, умная, разящая насмешка.

В юном гимназисте таганрогской классической гимназии созрел новый, могучий талант, которому суждено было стать грозной обличительной силой, направленной против режима унтеров Пришибеевых и «человеков в футляре».

Дома по инициативе Антоши стали разыгрываться целые драматические представления, придумывались острые веселые пародии. Так, например, Антон с Александром изображали сценку «экзамен на дьякона». Антоша брал на себя роль дьячка, Александр — роль архиерея. Дьячок задыхающимся от страха голосом читал перед архиереем все кондаки и ирмосы, пока не устаивался услышать от напыщенного начальства милостивую фразу: «Во дьяконах еси».

Сохранилось известие о лекции-пародии, сочиненной Антоном, в которой высмеивался заучившийся формалист-профессор; о бытовой сцене «У зубного врача», во время которой Антоша «рвал» зуб у Александра или Николая; было и сольное выступление будущего писателя, представлявшее монолог градоначальника, приехавшего в собор в праздничный день.

Много было веселого юношеского смеха, но уже чувствовалось, что Антоша идет дальше и глубже простого балагурства, легкой забавы, поверхностного развлечения. Не только смешил, но и вызывал сострадание запуганный дьячок, участь которого зависела от каприза архиерея; не только смех, но и негодование вызывал начетчик-профессор, заумным языком обращавшийся к своей аудитории.

Могучее дарование молодого Чехова высоко поднимало его

над российской мещанской действительностью, позволяло ему увидеть скрытую драму там, где поверхностному взгляду все могло показаться только смешным, безобидно веселым.

В 1874 году Павел Егорович Чехов построил собственный дом. Семья Чеховых разместилась в новом доме в четырех комнатах, а подвал и флигель сдали жильцам. Дом был неудобный, тесный, но обошелся дорого, пришлось занимать деньги под векселя. По векселям платить было нечем, и дом вскоре пошел в уплату долга. Постройка дома окончательно разорила Павла Егоровича. Ему пришлось срочно уехать в Москву, чтобы не попасть в долговую «яму», куда его могли засадить обманутые кредиторы.

В Москве Павел Егорович долго не мог устроиться на место, а тут еще к нему из Таганрога приехала вся семья, кроме Антона, который остался распродавать вещи и заканчивать учение в гимназии, и Ивана, вскоре, впрочем, также уехавшего в Москву.

III

За три года, с 1876 по 1879-й, что Чехов жил один, вне семьи, окончательно сложился его характер. Сложился его взгляд на жизнь, определились его отношения к людям. Если, уезжая в Москву, родители оставили его шестнадцатилетним подростком, еще нуждавшимся в советах и наставлениях, то через три года к ним вернулся вполне сложившийся молодой человек, сразу же признанный главой семьи.

Эти годы самостоятельной жизни в Таганроге он не только прекрасно учился, не только, бегая по грошовым урокам, неутомимым трудом зарабатывал хлеб для себя и помогал семье, но и упорно работал над собой. Он воспитывал в себе нестигаемую волю, упорство в достижении цели, умение отстаивать свою независимость в любых обстоятельствах и не бояться никаких трудностей.

Недаром десятью годами позже он говорил, что хорошо было бы написать повесть о том, «как молодой человек, сын крепостного, бывший лавочник, певчий, гимназист... воспитанный на чинопочитании, целовании поповских рук, поклонении чужим мыслям, благодаривший за каждый кусок хлеба, много раз сеченный, ходивший по урокам без галosh, дравшийся, мучивший животных, любивший обедать у богатых родственников, лицемеривший и богу и людям без всякой надобности — только из сознания своего ничтожества, проснувшись в одно прекрасное утро, чувствует, что в его жилах течет уже не рабская кровь, а настоящая, человеческая».

Конечно, это пробуждение было результатом глубоких раздумий, приходилось «выдавливаться из себя по капле раба». Одиноким подросток, поставленный лицом к лицу с российской дей-

ствительностью 70-х годов прошлого века, должен был или погибнуть, или же суметь подняться над нею, выстоять и победить.

Весной 1879 года А. П. Чехов окончил таганрогскую гимназию. Но прежде чем отправиться в Москву, где ожидали его семья и университет, он вынужден был целое лето провести в хлопотах, добиваясь получения стипендии, которую таганрогское городское управление предоставляло одному из уроженцев города, уезжавшему в университет для получения высшего образования. Благодаря своей настойчивости, деловитости он добился получения стипендии. И вот, со ста рублями в кармане, Антон Чехов приезжает в Москву.

Еще до приезда в Москву его неприятно поражали письма младших братьев, получаемые им в Таганроге. Однажды в ответ на письмо Михаила, в котором тот называл себя «ничтожным и незаметным братишкой», Антон Павлович резко заметил: «Среди людей нужно сознавать свое достоинство. Ведь ты не мошенник, честный человек? Ну и уважай в себе честного малого и знай, что честный малый не ничтожность».

За человеческое достоинство, за независимость, за право на счастье, против всяческого деспотизма, подавления личности, против бесправия решил повести постоянную, непримиримую, упорную борьбу молодой Чехов.

Прежде всего эту борьбу пришлось начать в собственной семье.

Павел Егорович и в Москве сохранил все обычаи буржуазно-мещанского быта. Он установил и вывесил на стене собственноручно написанные им правила поведения для всех детей, живущих с ним, независимо от их возраста. Вот эти правила:

«Николай Чехов, 20 лет. Встает от 5—7 и по усмотрению и внутреннему направлению.

Иван Чехов, 17 лет. По хозяйственным наблюдениям и согласно сему расписанию.

Михаил Чехов, 11 лет, Мария Чехова, 14 лет. Хождение неотлагательное в церковь ко всенощному бдению в 7 час. и ранняя обедня в 6½ ч., к поздней в 9½ по праздникам. Неисполняющий подвергается сначала строгому выговору, а затем наказанию, при коем кричать воспрещается».

Этот документ не был простой декларацией, он неукоснительно проводился Павлом Егоровичем в жизнь. С приездом Антона Павловича жизнь семьи круто изменилась. Воля его сделалась доминирующей. В семье появились такие, ранее неслыханные замечания: «это неправда», «нужно быть справедливым», «не надо лгать» и т. д.

Борьба за правду, против лжи в семье была для молодого Чехова лишь частью его общей борьбы против лжи русской действительности того времени.

Когда осенью 1879 года Антон Павлович стал студентом первого курса медицинского факультета Московского университета, обстановка в университете была исключительно напряженной. Чуть не половина студентов считалась революционерами.

По воспоминаниям доктора Членова, университетского товарища Чехова, Антон Павлович товарищем был хорошим, «общестуденческой жизнью очень интересовался, часто ходил на сходки (время тогда — начало 80-х годов — было весьма бурное для студенчества. — Н. В.), но активного участия в общественной и политической жизни студенчества не принимал»¹.

Такое поведение Антона Павловича в студенческие годы дало повод некоторым его биографам говорить о будто бы аполитичности молодого Чехова. С этим согласиться, конечно, нельзя. Молодой Чехов не отстранялся от революционной молодежи, но метод борьбы, осуществлявшийся тогда «Народной волей», не встречал его сочувствия, он не мог признать этот метод правильным. Народовольцы видели путь борьбы с царизмом в отдельных убийствах, в индивидуальном терроре, исходя из неправильной народнической теории активных «героев» и пассивной «толпы», ждущей от «героев» подвига.

Много позже, в повести «Рассказ неизвестного человека», А. П. Чехов высказал свое отрицательное отношение к методу индивидуального террора. Однако это отношение зародилось у него еще в студенческие годы. Уже тогда он избрал для себя другой путь борьбы: разоблачение лжи и уродства современной ему русской действительности острым пером художника-патриота, борца за справедливую жизнь, за лучшее будущее любимого им родного народа.

Художественное дарование Антона Чехова обнаружилось, как мы видели, очень рано. Оставшись один в Таганроге, он не переставал сочинять юмористические сценки, остроумные пародии, которыми наполнял рукописный журнал «Заяка», лично им составлявшийся и регулярно посылаемый в Москву братьям. Какое значение придавал он веселой шутке, видно из позднейшего его высказывания писателю И. А. Бунину: «Да-с, это уж вернейший признак: не понимает человек шутки — пиши пропало... И знаете: это уж не настоящий ум, будь человек хоть семи пядей во лбу»².

IV

С приездом Чехова в Москву начинается постоянное сотрудничество его в многочисленных юмористических журналах и журнальчиках, с необыкновенной быстротой появлявшихся и исчезающих в те годы в Москве и Петербурге.

¹ А. Дерман. А. П. Чехов. Критико-биографический очерк. М., Гослитиздат, 1939, стр. 40.

² И. Бунин. Соч., т. 6. Петроград, изд. А. Ф. Маркса, 1915, стр. 311.

Многие биографы Чехова утверждают, что серьезного отношения к своей литературной работе у Антона Павловича в то время еще не было. Но такое утверждение не соответствует фактам. Уже первый известный нам печатный рассказ А. П. Чехова — «Письмо к ученому соседу» — является сознательной, хорошо продуманной острой пародией на пошлость малограмотных писем, обычных в мещанской среде того времени. Комический эффект таких писем заключался в выпренности выражений по поводу самых обыкновенных вещей, в мнимой значительности бессодержательных по существу слов. Вот, например, как писал еще из Таганрога Павел Егорович Чехов своему брату Митрофану Егоровичу, ехавшему в Москву и Петербург для закупки товаров:

«Вы в Москве. Имеем честь и удовольствие поздравить вас с приездом в Царствующий град Москву и желаем исполнения делов Ваших производить счастливо, с пользой и успехом, и достигнуть до Резиденции наших Государей, знаменитого Петербурга».

Антон Павлович был непримиримым врагом всякого чванства, дутых авторитетов, самодовольной пошлости. Нетрудно поэтому увидеть связь между первым печатным его произведением и той лекцией-пародией, которую он произносил перед братьями еще в Таганроге, высмеивая в ней заучившегося псевдопрофессора. Ненависть Антона Чехова к буржуазной, мещански-самодовольной пошлости, зародившаяся еще в детстве, не только не уменьшалась, но с каждым годом росла и крепла. «Письмо к ученому соседу» свидетельствовало о том, что великая русская реалистическая литература пополнилась новым замечательным талантом.

А. П. Чехов начинал свою литературную деятельность в те годы, когда, после убийства народовольцами 1 марта 1881 года Александра II, в стране наступил период самой мрачной, самой черной реакции. «Боялись громко говорить, посылать письма, знакомиться, читать книги, боялись помогать бедным, учить грамоте» — так характеризует сам Чехов эту эпоху в рассказе «Человек в футляре».

И в то же время, по определению В. И. Ленина, «...в России не было эпохи, про которую бы до такой степени можно было сказать: «наступила очередь мысли и разума», как про эпоху Александра III!.. Да, мы, революционеры, далеки от мысли отрицать революционную роль реакционных периодов. Мы знаем, что форма общественного движения меняется, что периоды непосредственного политического творчества народных масс сменяются в истории периодами, когда царит внешнее спокойствие, когда молчат или спят (повидимому, спят) забитые и задавленные каторжной работой и нуждой массы, когда революционизируются особенно быстро способы производства, когда мысль передовых представителей человеческого разума подво-

дит итоги прошлому, строит новые системы и новые методы исследования»¹.

Несмотря на террористический режим царского правительства, в 80-е годы в России продолжало расти рабочее движение. За пятилетие (с 1881 по 1886 год) было организовано более 48 стачек с 80 тысячами бастовавших рабочих. В 1883 году была создана первая в России марксистская группа «Освобождение труда».

В условиях реакции после разгрома «Народной воли» большинство народников отказалось от революционной борьбы и перешло на путь либерализма, то есть соглашения с царским правительством, став выразителями растущего в деревне класса кулачества.

Это был период возникновения и упрочения в России идей марксизма, программных положений социал-демократии. Социал-демократия за десятилетие (1884—1894 годы) существовала еще в виде отдельных небольших групп и кружков, не связанных или очень мало связанных с массовым рабочим движением.

В те годы даже юмористические журналы, в которых Чехову приходилось сотрудничать, все эти «Стрекозы», «Осколки», «Будильники», «Развлечения», «Зрители», ежедневно трепетали за свое существование. Вот, например, письмо редактора журнала «Осколки» А. П. Лейкина Чехову: «Вы спрашиваете, что случилось с «Осколками московской жизни», написанными Вами для № 4, журнала? Случилась беда... Целый погром. Цензор все захерил: и ваших «Зверей» и стихи Трефолева, стихи Гиляровского, 1/2 обозрения Билибина, мой фельетонный рассказ, анекдоты, копилку курьезов и московскую жизнь... И это еще не все: сам журнал едва уцелел. На утро я был вызван в цензурный комитет, и председатель Кожухов... объявил мне, что журнал будет запрещен, если я не переменю направления, что цензор вымарывает статьи, но против общего направления, против подбора статей он ничего не может сделать, и что тут виноват редактор. Объявил мне также, что начальник главного управления по делам печати вообще против сатирических журналов, и не находит, чтобы они были необходимы для публики, что... и т. д. Громы разверзались страшные».

Как воспринимал А. П. Чехов подобное самоуправство цензуры? Он отвечал Лейкину: «...Погром на «Осколки» действовал на меня, как удар обухом... С одной стороны, трудов своих жалко, с другой — как-то душно, жутко... Конечно, Вы правы: лучше сократиться и жевать мочалу, чем с риском для журнала хлестать плетью по обуху. Придется подождать, потерпеть... Да, неприятный кусок хлеба дает литература, и умно

Вы сделали, что родились раньше меня, когда легче и дышалось и писалось».

Уже в самые первые годы своей писательской деятельности А. П. Чехову приходилось «сокращаться», хотя ему хотелось «хлестать плетью». Но превратиться в безидейного юмориста, вызывающего в читателе смех ради смеха, он не мог и не хотел. Безидейная юмористика была его врагом, с которым он считал необходимым бороться за влияние на читателя. В 1884 году в рассказе «Марья Ивановна» он так характеризовал ту юмористическую печать, к которой относил и себя: «...ее нельзя по шапке, читатель. Хотя она и маленькая и серенькая, хотя она и не возбуждает смеха, кривящего лицевые мускулы и вывихивающего челюсти, а все-таки она есть и делает свое дело. Без нее нельзя. Если мы уйдем и оставим поле сражения хотя на минуту, то нас тотчас же заменят шуты в дурацких колпаках с лошадиными бубенчиками да юнкера, описывающие свои нелепые любовные похождения по команде: левой! правой!»

А. П. Чехов признавал себя непримиримым борцом против широко разлившейся пошлости, беспринципности, карьеризма, делячества — типичных проявлений реакции, которым он не хотел уступать поля сражения. В его юмористических заметках уже тогда было скрыто немало горечи и смеха сквозь слезы. Вот, например, его заметка «Мысли читателя газет и журналов», опубликованная в «Осколках» № 3 за 1883 год: «Русская печать имеет в своем распоряжении множество источников света. Она имеет комаровский Свет, Зарю, Радугу, Свет и тени, Луч, Огонек, Рассвет. Но почему же ей так темно? — Она имеет Наблюдателя, Инвалида и Сибирь. Печать имеет Развлечение, Игрушечку, но из этого не следует, что ей слишком весело... Русская мысль высылается... в плотной обложке. Имеются Здоровье и Врач, а между тем — сколько могил!»

Конечно, в первые годы писательской деятельности А. П. Чехову приходилось много писать ради заработка, чтобы прокормить большую семью, очутившуюся целиком на его руках. Но даже когда ему приходилось писать по сто двадцать, по сто тридцать рассказов в год, и тогда он наряду с безобидными шутками и остротами затрагивал серьезные темы, имевшие большое общественное значение. В его ранних рассказах, подписанных псевдонимами «Антоша Чехонте», «Брат моего брата», «Человек без селезенки» и многими другими, уже встречаются такие рассказы, которые предвещают будущего великого русского писателя Антона Чехова. Вот, например, его маленькая заметка, напечатанная в «Осколках» за 1883 год: «Я знаю одного отставного капитана, бывшего станового. Этот человек помешан на теме: «сборища воспрещены». И только потому, что сборища воспрещены, он вырубил свой лес, не обедает с семьей, не пускает на свою землю крестьянское стадо

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 230—231.

и т. д. Когда его пригласили однажды на выборы, он воскликнул: «А вы разве не знаете, что сборища воспрещены?»

Разве в этой острой зарисовке уже не намечается определенный социальный характер, тип 80-х годов, который позднее раскроется в гениальном рассказе А. П. Чехова «Унтер Пришибеев»? А вот другая заметка: «Один отставной урядник, изгнанный, кажется, за правду или за лихоимство (не помню, за что именно), помешан на теме: «А посиди-ка ты, братец». Он сажает в сундук кошек, собак, кур и держит их взаперти определенные сроки. В бутылках сидят у него тараканы, клопы, пауки. А когда у него бывают деньги, он ходит по селу и наминает желающих сесть под арест. — Посиди, голубчик! — умоляет он. — Ну, что тебе стоит? Ведь выпущу. Уважь характер».

Разве эта заметка не представляет собой также раскрытия существенных сторон эпохи реакции? Уже в этих ранних, «осколочных» рассказиках намечается острая, «чеховская» типизация характеров и жизненных отношений.

Чехов остро страдал от преследований и произвола, которым подвергалась передовая русская литература в условиях реакции 80-х годов. Его могучий талант чувствовал себя скованным. Недаром к юбилею журнала «Будильник» в 1885 году он написал «тост прозаиков», в котором подвел отнюдь не веселый итог своей пятилетней писательской деятельности. «Не моя вина, — писал Чехов, — если требуемый от меня тост заставит вас нахмуриться, и если мой веселый сосед потянет меня за рукав и призовет к порядку. Я смущен, коллеги, и не весело мне. Если бы не было обычая на юбилейных обедах смеяться, то я пригласил бы вас плакать... Журналы недолговечны, пишущие же еще недолговечнее. Не стану я объяснять этой недолговечности, но ею берусь объяснить многое. Объясню я ею такое печальное явление, как отсутствие окрепших, сформировавшихся и определившихся талантов... В ней же вижу причину мрачного взгляда, установившегося у некоторых на журнальные судьбы. Но, что наиболее смущает меня, так это то, что та же самая недолговечность является симптомом жизни тяжелой, нездоровой».

И в этом «тосте» видна та же изумительная способность А. П. Чехова возводить отдельные факты к общему принципу, раскрывать в случайном существенное, что является наиболее яркой чертой чеховского художественного метода, обогатившего литературу критического реализма не только в России, но и во всем мире.

V

И вот, когда Чехов задумался о характере своей работы в юмористических журналах, когда он убедился, что одним смехом не победить окружающей его тяжелой и нездоровой

жизни, он получил весной 1886 года неожиданную поддержку и сочувствие от одного из маститых русских писателей, — от Д. В. Григоровича. Григорович приветствовал молодого Чехова, как «настоящий» талант, который далеко выдвигается «из круга литераторов нового поколения». Требовал, чтобы он не расточал своего таланта на мелкую срочную работу, а употребил его «для труда обдуманного, отделанного, писанного не в один присест».

Насколько поразило Чехова это письмо, полное горячего участия и вполне соответствовавшее самым задушевным мыслям Антона Павловича, можно видеть из его взволнованного, благодарного ответа Григоровичу: «Ваше письмо, мой добрый, горячо любимый благовеститель, поразило меня, как молния. Я едва не заплакал, разволновался и теперь чувствую, что оно оставило глубокий след в моей душе. Как Вы приласкали мою молодость, так пусть бог успокоит Вашу старость, я же не найду ни слов, ни дел, чтобы благодарить Вас».

В письме Чехов признавался Григоровичу, что его не удовлетворяет все, что им написано до сих пор, говорил о своем желании «написать что-нибудь путевое». «Мне еще только 26 лет, — писал он. — Может быть, успею что-нибудь сделать, хотя время бежит быстро». В сущности, письмо Григоровича застало А. П. Чехова в момент, когда он уже почувствовал в себе силы для большого труда. Поэтому таким малым стало казаться то, что до сих пор было им сделано.

Еще летом 1884 года, окончив университет, А. П. Чехов задумал написать диссертацию на тему «Врачебное дело в России». Он хотел в этой научной работе проследить всю историю русской медицины. Чехов хотел создать не просто научную книгу, но подлинно патристическое произведение, которое бы показало, какой большой вклад сделал русский народ в развитие этой науки.

Тогда же, летом 1884 года, Антон Павлович начал заниматься практической врачебной деятельностью в Чикинской больнице под Москвой, в городе Воскресенске (ныне Истра). Оттуда его перевели заведовать земской лечебницей в городе Звенигороде. Врачебная работа поглощала почти все время Чехова, отрывая от литературных занятий. Правда, впечатления, полученные от частых поездок на вскрытия, от выступлений в суде в качестве эксперта, были использованы им позднее для таких высокохудожественных рассказов, как «Хирургия», «Беглец», «Мертвое тело» и т. д. Можно сказать, в эти годы из двух своих профессий — медицинской и литературной — он склонен был отдавать предпочтение первой.

Может быть, так получилось потому, что звание писателя казалось ему слишком ответственным, слишком обязывающим. Быть писателем в его представлении означало: быть воспитате-

лем людей. А воспитатель сам должен быть воспитан. С детства Чехов упорно, как мы уже видели, начал работать над воспитанием в себе лучших человеческих качеств. К двадцати шести годам он был непререкаемым авторитетом для всей семьи, его нравственное обаяние неотразимо действовало на окружающих. В известном письме к брату Николаю, человеку слабовольному, но талантливому, Антон Павлович изложил полностью свою программу поведения человека в обществе, которая легла также в основу его собственной этики и эстетических воззрений.

«Дело в том, — писал он брату, — что ты сам, как порядочный человек, чувствуешь себя на ложной почве; а кто мнит себя виноватым, тот всегда ищет себе оправдания извне... Брось я сейчас семью на произвол судьбы, я старался бы найти себе извинение в характере матери, в кровохарканьи и проч. Это естественно и извинительно. Такова уж натура человеческая. А что ты чувствуешь себя на ложной почве, это тоже верно, иначе бы я не называл тебя порядочным человеком. Пропадает порядочность, ну тогда другое дело: помирись и перестанешь чувствовать ложь...

Ты часто жаловался мне, что тебя «не понимают!!» На это даже Гете и Ньютон не жаловались... Уверю тебя, что, как брат и близкий тебе человек, я тебя понимаю и от всей души тебе сочувствую... Все твои хорошие качества я знаю, как свои пять пальцев, ценю их и отношусь к ним с самым глубоким уважением. Я, если хочешь, в доказательство того, что понимаю тебя, могу даже перечислить эти качества. По-моему, ты добр до тряпичности, великодушен, не эгоист, поделяешься последней копеечкой, искренен; ты чужд зависти и ненависти, незлопамятен, доверчив...

Недостаток же у тебя только один. В нем и твоя ложная почва, и твое горе, и твой катарр кишек. Это — твоя крайняя невоспитанность. Извини пожалуйста, но *veritas magis amicitiae*... Дело в том, что жизнь имеет свои условия... Чтобы чувствовать себя в своей тарелке в интеллигентной среде, чтобы не быть среди нее чужим и самому не тяготиться ею, нужно быть известным образом воспитанным... Талант занес тебя в эту среду, ты принадлежишь ей, но... тебя тянет от нее, и тебе приходится балансировать между культурной публикой и жильцами *vis-à-vis*. Сказывается плоть мещанская, выросшая на розгах, у рейнскогового погреба, на подачках. Победить ее трудно; ужасно трудно...

Воспитанные люди, по моему мнению, должны удовлетворять следующим условиям:

1) Они уважают человеческую личность, а потому всегда снисходительны, мягки, вежливы, уступчивы... Они не бунтуют из-за молотка или пропавшей резинки; живя с кем-нибудь, они не делают из этого одолжения, а уходя, не говорят: с вами

жить нельзя! Они прощают и шум, и холод, и пережаренное мясо, и остроты, и присутствие в их жилье посторонних...

2) Они сострадательны не к одним только нищим и кошкам. Они болеют душой и от того, чего не увидишь простым глазом. Так, например, если Петр знает, что отец и мать седеют от тоски и ночей не спят благодаря тому, что они редко видят Петра (а если видят, то пьяным), то он поспешит к ним и наплюет на водку. Они ночей не спят, чтобы помочь Полеваем, платить за братьев-студентов, одевать мать.

3) Они уважают чужую собственность, а потому и платят долги.

4) Они чистосердечны и боятся лжи, как огня. Не лгут они даже в пустяках. Ложь оскорбительна для слушателя и опошляет его в глазах говорящего. Они не рисуются, держат себя на улице так же, как дома, не пускают пыли в глаза меньшей братии... Они не болтливы и не лезут с откровенностями, когда их не спрашивают... Из уважения к чужим ушам они чаще молчат.

5) Они не унижают себя с той целью, чтобы вызвать в другом сочувствие. Они не играют на струнах чужих душ, чтобы в ответ им вздыхали и нянчились с ними. Они не говорят: «Меня не понимают!» или: «Я разменялся на мелкую монету!», потому что все это бьет на дешевый эффект, пошло, старо, фальшиво...

6) Они не суетны. Их не занимают такие фальшивые бриллианты, как знакомства с знаменитостями... Делая на грош, они не носятся с своей папкой на сто рублей и не хвастают тем, что их пустили туда, куда других не пустили... Истинные таланты всегда сидят в потемках, в толпе, подальше от выставки... Даже Крылов сказал, что пустую бочку слышнее, чем полную...

7) Если они имеют в себе талант, то уважают его. Они жертвуют для него покоем, женщинами, вином, суетой... Они горды своим талантом. Так, они не пьянствуют с надзирателями мещанского училища и с гостями Скворцова, сознавая, что они призваны не жить с ними, а воспитываяще влиять на них. К тому же они брезгливы....

8) Они воспитывают в себе эстетику. Они не могут уснуть в одежде, видеть на стене щели с клопами, дышать дрянным воздухом, шагать по оплеванному полу... Им, особенно художникам, нужны свежесть, изящество, человечность... Они не трескают похода водку, не нюхают шкафов, ибо они знают, что они не свиньи. Пьют они только, когда свободны, при случае... Ибо им нужна *mens sana in corpore sano*. И. т. д. Таковы воспитанные... Чтобы воспитаться и не стоять ниже уровня среды, в которую попал, не достаточно прочесть только Пикквика и вызубрить монолог из Фауста... Тут нужны непрерывный дневной

и ночной труд, вечное чтение, штудировка, воля... Тут дорог каждый час».

Это письмо имеет исключительное значение для понимания Антона Павловича как человека и как писателя. Это программа по самовоспитанию на всю жизнь. Работа над собой, непрерывное упражнение воли, обуздание дурных инстинктов, уничтожение слабостей, постоянное чтение для самообразования — вот школа, через которую должен обязательно пройти каждый достойный общего уважения человек. Антон Павлович сам прошел эту школу от начала и до конца. Она стала краеугольным камнем его эстетики, определила направление всего его творчества, дала ему право воспитывать своими произведениями миллионы читателей не только у себя на родине, но и во всем мире.

VI

В 1886 году вышла из печати книга А. П. Чехова «Пестрые рассказы». Среди этих рассказов находились поистине маленькие шедевры, отобранные автором из огромного числа прежде написанных произведений. В книге были напечатаны такие образцы чеховской сатиры, как «Толстый и тонкий», «Хамелеон», «Злоумышленник», такие перлы его юмора, как «Пересоллил», «Кухарка женится», «Детвора», и такие рассказы, поднимающиеся до высот истинного трагизма, как «Горе» и «Тоска». Словом, книга была выдающимся явлением среди текущей художественной литературы 80-х годов, и читатели по достоинству оценили ее.

Но книга Чехова не встретила понимания у профессиональных критиков. Один из них, довольно популярный в те годы, Скабичевский, отозвался о «Пестрых рассказах» так: «Рассказы производят грустное впечатление не потому, что они плохи, напротив, именно потому, что весьма многие из них обличают молодой, свежий талант, не лишенный чувства юмора, чувства наблюдательности. Но вот человек начинает зарабатывать 400—500 рублей в месяц, талант бледнеет, писатель обращается в легкомысленного барабанщика, в смехотворного клоуна для потехи праздной толпы. Сперва таким работникам сопутствует успех, а потом, когда газетный писатель начинает терять популярность, так как переутомление берет свое, — дело кончается тем, что он обращается в выжатый лимон и подобно выжатому лимону ему приходится в полном забвении умереть где-нибудь под забором, считая себя счастливым, если товарищи пристроят его за счет Литературного фонда в одну из городских больниц».

И, чтобы читатели не поняли мрачное рассуждение критика в качестве простого обобщения, Скабичевский прямо переходил

к книге Чехова: «Вообще книга Чехова, как ни весело ее читать, представляет собою весьма печальное и трагическое зрелище самоубийства молодого таланта, который изводит себя медленной смертью газетного царства»¹.

Как подействовала на Чехова эта грубая, жестокая, оскорбительная и безответственная критика, можно судить по тому, что спустя много лет Антон Павлович с горечью говорил А. М. Горькому: «Критики похожи на слепней, которые мешают лошади пахать землю. Я двадцать пять лет читаю критику на мои рассказы и ни одного ценного указания не помню, ни одного доброго совета не слышу, только однажды Скабичевский произвел на меня впечатление: написал, что я умру в пьяном виде под забором». Только крайней узостью взгляда, добровольно надетыми на глаза шорами можно было объяснить поразительный факт, что профессиональная критика, считавшая себя передовой, не увидела в «Пестрых рассказах» Чехова ничего, кроме того, что, «увешавшись побрякушками шута, он тратит свой талант на пустяки и пишет первое, что придет ему в голову, не раздумывая долго над содержанием своих рассказов»².

А между тем, какую верную и страшную картину русской жизни того времени рисовали эти рассказы! Вот встретились два школьных друга. Оба обрадовались. А тут оказывается, что «толстый» уже стал действительным статским советником, а «тонкий» продолжает гнуть спину в качестве мелкого чиновника. И вместо друзей детства перед читателем появляются два чиновника, из которых один подобострастно и косноязычно говорит о своей преданности, а другой брезгливо морщится в ответ на это раболепие.

Разве эта сценка только смешна? Разве не вызывает она негодования, протеста против уродливых социальных отношений, превращающих подчиненных людей в обесмысленные, забитые существа!

Или потрясающий рассказ «Тоска». Старый извозчик, потерявший единственного сына, умершего в больнице, не знает, кому рассказать о своем горе. Он пытается заговорить с седоками, но им до него нет дела, все чужие, равнодушные люди. Старик изнемогает от тоски. Хоть бы кто-нибудь посочувствовал ему! И он идет ночью к своей лошади и жалуется ей на несправедливость судьбы, на свое одиночество, на никому не нужную свою старость.

Разве это не страстное обличение общества, в котором человек человеку волк, в котором нет чувства сострадания к слабому, в котором люди более одиноки, чем в джунглях!

¹ Журн. «Северный вестник», книга 6, 1886 г.

² Там же.

Что бы ни писали критики, подобные Скабичевскому, огромный талант Чехова быстро завоевал внимание и уважение всех передовых русских читателей. Поэтому не удивительно, что нашлись такие «дельцы от литературы», которые постарались приласкать Чехова и незаметно использовать его талант в своих целях. Наиболее ловким из таких дельцов был известный реакционер, издатель газеты «Новое время» миллионер А. С. Суворин.

В. И. Ленин писал о Суворине: «Бедняк, либерал и даже демократ в начале своего жизненного пути, — миллионер, самодовольный и бесстыдный хвалитель буржуазии, пресмыкающийся перед всяким поворотом политики власть имущих в конце этого пути. Разве это не типично для *массы* «образованных» и «интеллигентных» представителей так называемого общества? Не все, конечно, играют в ренегатство с такой бешеной удачей, чтобы становиться миллионерами, но девять десятых, если не девяносто девять сотых — играют именно такую же самую игру в ренегатство, *начиная* радикальными студентами, *кончая* «доходными местечками» той или иной службы, той или иной аферы»¹.

Суворин понимал, что в лице А. П. Чехова в России появился новый великий писатель. Заполучить его в свою газету представлялось для Суворина делом крайне выгодным. Во-первых, талант Чехова должен был привлечь новых подписчиков на газету, что было выгодно в денежном отношении, во-вторых, высокая репутация Чехова как писателя и человека могла до какой-то степени прикрыть низкую морально-политическую репутацию суворинской газеты. Суворин сделал все возможное, чтобы привлечь Антона Павловича к сотрудничеству в «Новом времени».

Конечно, А. П. Чехову было чуждо направление суворинской газеты. Он никогда не скрывал этого. Согласившись печатать свои произведения в «Новом времени», он отнюдь не делался «нововременцем», что одинаково хорошо понимал как он сам, так и Суворин.

Антон Павлович привлекала возможность использовать трибуну массовой газеты и заставить служить делу прогресса ту печать, которая являлась оплотом реакции. Эту свою мысль он открыто выражал тем, кто упрекал Чехова за сотрудничество в суворинской газете.

«Далось им «Новое время», — с досадой говорил он. — Ведь поймите же, тут может быть такой расчет. У газеты пятьдесят тысяч читателей... этим пятидесяти, сорока, тридцати тысячам гораздо полезнее прочитать пятьсот моих безвредных строк, чем те пятьсот вредных, которые будут идти в фельетоне, если

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 250.

своих я не дам. Ведь это же ясно! Поэтому я буду писать решительно в каждой газете, куда меня пригласят»¹.

Не сотрудником, а противником «нововременцев» пришел он в газету.

Разумеется, Суворин понимал эту тактику Чехова. В течение ряда лет он пытался незаметно, настойчиво, умело повлиять на своего странного «сотрудника», привить ему цинизм, вражду к передовым идеям, безразличие ко всему честному и передовому. Огромный интерес в этом отношении представляет обширная переписка между Чеховым и Сувориным. Сколько коварства, лести, остроумия расточает последний, чтобы перетянуть Антона Павловича на свою сторону. Чехову вначале нравились ум и талантливость Суворина. Письма Чехова к нему полны блеска, глубоких суждений о литературе, замечательно тонкой, умелой и твердой защиты своих убеждений.

Долгие годы продолжалась эта удивительная переписка. Но наступил момент, когда новая волна революционно-освободительного движения в стране сделала для Антона Павловича невозможным какие-либо отношения с «Новым временем» и «нововременцами».

В 1886 году, когда Суворин предложил ему место на страницах своей газеты, Чехов считал вполне возможным использовать это предложение в вышеуказанных целях. Суворин не требовал, по крайней мере, от него согласия с направлением «Нового времени». А считавшаяся тогда прогрессивной народническая печать требовала от Чехова полного принятия всех ее ошибочных положений.

На самом деле истинно передовая русская литература в 80-е годы не только не была связана с народническими утопическими теориями, но прямо противостояла им. На это указывал еще А. М. Горький, писавший: «Психология старого русского литератора была гораздо шире и выше политических учений, которые принимала тогда интеллигенция. Попробуйте, например, уложить в рамки народничества таких писателей, как Слепцов, Помяловский, Левитов, Печерский, Гл. Успенский, Осипович, Гаршин, Потапенко, Короленко, Щедрин, Мамин-Сибиряк, Станюкович, и вы увидите, что народничество Лаврова, Юзова и Михайловского будет для них ложем Прокруста... Старая русская литература свободно отражала настроения, чувства, думы всей русской демократии»².

А. М. Горький называл здесь не все имена, представленные в русской литературе того периода. Но нельзя сомневаться, что и для Чехова в 80-е годы народничество Лаврова, Юзова и Михайловского было не чем иным, как ложем Прокруста.

¹ В. Ермаков. Драматургия Чехова. М., «Советский писатель», 1951, стр. 143.

² А. М. Горький. Литературно-критические статьи. М., ГИХЛ, 1937, стр. 58.

1886 год был переломным в творческой биографии А. П. Чехова. Он пришел к убеждению, что «художественная литература потому и называется художественной, что рисует жизнь такою, какова она есть на самом деле. Ее назначение — правда, безусловная и честная... Литератор не кондитер, не косметик, не увеселитель; он человек обязанный, законтрактованный сознанием своего долга и совестью».

Теперь А. П. Чехов чувствует в себе силы и желание писать произведение крупного масштаба. «Для почина, — сообщает он В. Г. Короленко, — взялся описать степь, степных людей и то, что пережил в степи». С образом бескрайней русской степи в сознании писателя сливался другой — великий, вечно прекрасный образ его родины — русской земли. О ней-то и хотел писать Чехов.

Какое значение придавал он задуманному произведению, видно из того, что предварительно он совершает поездку из Москвы в южные степи и Таганрог, чтобы оживить воспоминания своего детства.

С увлечением работая над повестью «Степь», временами испытывая «муки творчества», взыскательный художник в целом был удовлетворен достигнутыми результатами. В повести, признавался он сам, «есть места, которые пахнут сеном», а самый язык ее походил на «стихи в прозе».

«Степь» была напечатана в 1888 году в журнале «Северный вестник». Повесть открывала новую страницу в творчестве Чехова, и это сразу же отметили такие его современники, как М. Е. Салтыков-Щедрин, А. Н. Плещеев и другие. А В. М. Гаршин прямо заявил: «В России появился новый первоклассный писатель».

Только присяжные народнические критики не сумели понять глубину и своеобразие нового произведения Чехова.

Повесть «Степь» была широчайшим обобщением русской жизни 80-х годов прошлого века. Беспредельная широта степи, ее движение, краски, прочно вошедшие в русскую былинную поэзию и древнюю литературу начиная со «Слова о полку Игореве», символизируют в повести Чехова образ суровой, величавой, могучей родины.

«Едешь час-другой... Попадаются на пути молчаливый старик курган или каменная баба, поставленная бог ведает кем и когда, бесшумно пролетит над землею ночная птица, и мало-помалу на память приходят степные легенды, рассказы встречных, сказки няньки-степнячки и все то, что сам успел увидеть и постичь душою. И тогда в трескотне насекомых, в подозрительных фигурах и курганах, в глубоком небе, в лунном свете, в полете ночной птицы, во всем, что видишь и слышишь, начинается чудиться торжество красоты, молодости, расцвет сил и

страстная жажда жизни; душа даёт отклик прекрасной суровой родине, и хочется лететь над степью вместе с ночной птицей. И в торжестве красоты, в излишке счастья чувствуешь напряжение и тоску, как будто степь сознает, что... богатство ее и вдохновение гибнут даром»...

В прекрасной повести А. П. Чехова оживает та самая степь, на которой располагались «заставы богатырские», охраняя рубежи родной земли, та степь, по которой шли древние пути русских дружин, упреждавших набеги степных кочевников. Своим чутким сердцем великого русского поэта-патриота А. П. Чехов сумел почувствовать величие родной степи, ее древнюю жизнь, неразрывно слитую с историей родины.

Степь в повести Чехова выступает как символ родины, красоты, счастья. Поэтому картины природы получают в ней особенно большое значение.

На фоне степи, настраивающей автора на глубокое раздумье, действуют обыкновенные люди. Вот «неуловимый, таинственный», как сказано о нем в повести, Варламов, который имеет «несколько десятков тысяч десятин земли, около сотни тысяч овец и очень много денег». Это степной хищник, крадущийся по степи в поисках новых средств для дальнейшего обогащения. Его лицо всегда выражает деловую сухость, деловой фанатизм. Автор говорит о нем: «Этот человек сам создавал цены, никого не искал и ни от кого не зависел; как ни заурядна была его наружность, но во всем, даже в манере держать нагайку, чувствовалось сознание силы и привычной власти над степью».

Убийственной иронией звучат слова Чехова о «привычной власти над степью» Варламова. Варламов подобно пауку плетет тонкую хитрую паутину, которой он думает захватить всю степь. Мелкими, отвратительными кажутся здесь, среди непостижимо прекрасной вечной природы, власть денег, эксплуатация человека человеком, жажда обогащения. Дельцы капиталистического мира не замечают красот природы, они живут призрачной, не человеческой жизнью.

Но в степи можно найти настоящих людей, для которых смысл жизни не в деньгах, а в любви к людям, в близости к природе. Один из таких людей, чувствующих свое человеческое достоинство, в ответ на замечание: «Как же ты, дурак этакой, равняешь себя с Варламовым?» спокойно говорит: «Я еще не настолько дурак, чтобы равнять себя с Варламовым. Вся жизнь у него в деньгах и наживе, а я свои деньги спалил в печке. Мне не нужны ни деньги, ни земля, ни овцы, и не нужно, чтобы меня боялись и снимали шапки, когда я еду. Значит, я умней вашего Варламова и больше похож на человека».

Облагораживающая красота степной природы, с одной стороны, и уродующая людей власть денег — с другой: эта антигега пронизывает всю чудесную повесть Чехова.

В повести «Степь» Чеховым затронута большая этическая тема о красоте и счастье, как необходимом условии человеческой жизни. Но настоящее счастье, по мнению Чехова, не может быть ограничено только узкими эгоистическими рамками. Вот, например, «счастливый» Звоник. О нем в повести сказано: «Это был влюбленный и счастливый человек, счастливый до тоски; его улыбка, глаза и каждое движение выражали томительное счастье. Он не находил себе места и не знал, какую принять позу и что делать, чтобы не изнемогать от изобилия приятных мыслей».

Счастье Звоника, которое Чехов называет «томительным», доводящим до «изнеможения от изобилия приятных мыслей», заключается в одном чувстве влюбленности в молодую жену. Это то самое ограниченное мещанское счастье, о котором еще Н. Г. Помяловский говорил: «Эх, господа, что-то скучно!» Замечательно, что в повести «Степь» почти теми же словами говорится об отношении окружающих к Звонику: «При виде счастливого человека всем стало скучно»...

Счастье Звоника исключительно личное, оно чуждо окружающим, не вызывает их сочувствия. Переполненный избытком влюбленности, Звоник действует «машинально, лениво», кажется «сонным, томным», похож на опьяневшего человека.

Варламов и Звоник далеки от настоящего, большого человеческого счастья, потому что, как говорит Чехов, «счастье и радость жизни не в деньгах и не в любви, а в правде. Если захочешь животного счастья, то жизнь все равно не даст тебе опьянеть и быть счастливым, а то и дело будет огорошивать тебя ударами»¹.

Главным действующим лицом своей повести Чехов намеренно сделал мальчика Егорушку. Глазам ребенка, обладающего чистой, неиспорченной натурой, яснее видны окружающая ложь, скука, несправедливость буржуазного строя жизни с ее лицемерием, властью денег и глубоким унижением человеческой личности.

В идейном замысле повести значительное место уделяет автор образу озорника Дымова. «Русый, с кудрявой головой, без шапки и с расстегнутой на груди рубахой, Дымов казался красивым и необыкновенно сильным: в каждом его движении виден был озорник и силач, знающий себе цену». Но Дымов не знает, куда приложить ему свою могучую силу. Он не находит места в жизни. Однако это не делает его скептиком, человеком разочарованным и пассивным. «Скушно мне!.. — восклицает он. — Жизнь наша пропащая, лютая!» И в этом определении современной ему жизни чувствуется готовность Дымова к борьбе, к преобразованию жизни на новых началах, хотя ему еще и неведомых.

¹ А. П. Чехов. Полн. собр. соч., т. XII, М., ГИХЛ, 1939, стр. 217.

А. П. Чехову удалось в образе Дымова создать типический характер простого русского человека, богатырские силы которого только ждут благоприятных условий, чтобы развернуться, чтобы покончить навсегда со старой жизнью и начать строить новую жизнь.

Сам Чехов в мрачные 80-е годы еще не верил в близкую возможность таких условий. Он писал о Дымове: «Такие натуры, как озорник Дымов, создаются жизнью не для раскола, не для бродяжничества; а прямехонько для революции...».

Пройдет еще несколько лет, Россия вступит в третий период освободительного движения, когда начнется движение самих масс, предвещающее близость великих перемен в русской жизни, и наблюдательный художник-демократ сам заговорит в своих замечательных произведениях о надвигающейся на страну великой очищающей буре.

«Степь» Чехова, выразившая заветные думы писателя о родине, неизмеримо высоко поднималась над либерально-народнической художественной литературой 80-х годов с ее призывами к «реабилитации действительности», к прославлению «скромной раковины обыкновенного смертного», к пропаганде теории «малых дел». Писатель-демократ А. П. Чехов был глубоко чужд обывательскому идеалу тогдашних народников, он выражал страстный протест против буржуазно-мещанского строя жизни, против самых основ собственнического капиталистического общества, он звал к большим творческим исканиям, к высоким порывам человеческих чувств, к широкой, свободной жизни, дающей простор богатырским силам великого народа.

VIII

1888 год в жизни А. П. Чехова был годом всеобщего признания и славы. Молодой писатель находился в расцвете своих творческих сил. Он пристально и жадно вглядывался в окружающую его русскую жизнь и стремился глубже понять ее.

Летом Антон Павлович поселился на берегу реки Псла на Украине, где его окружали замечательная природа и замечательные люди. «Живу я, — пишет он с нескрываемым восхищением, — на берегу Псла, во флигеле старой барской усадьбы... Река широка, глубока, изобильна островами, рыбой и раками, берега красивы, зелени много... А главное, просторно до такой степени, что мне кажется, что за свои сто рублей я получил право жить на пространстве, которому не видно конца.

Природа и жизнь построены по тому самому шаблону, который теперь так устарел и бракуется в редакциях: не говоря уж о соловьях, которые поют день и ночь, о лае собак, который слышится издали, о старых заброшенных садах, о забытых наглухо, очень поэтичных и грустных усадьбах, не говоря... уже о старых, дышащих на ладан лакеях-крепостниках, о девицах,

жаждущих самой шаблонной любви, недалеко от меня имеется даже такой заезженный шаблон, как водяная мельница (о 16 колесах) с мельником и его дочкой, которая всегда сидит у окна и, повидимому, чего-то ждет. Все, что я теперь вижу и слышу, мне кажется, давно уже знакомо мне по старинным повестям и сказкам».

Насколько сильны были впечатления, полученные Антоном Павловичем в этот незабываемый для него год, можно судить по тому, что многие детали, отмеченные в письме, войдут в последующие его произведения, вплоть до последней пьесы — «Вишневый сад».

Природа родной страны могущественно захватывает писателя-художника. С какой-то ненасытной жадностью он вглядывается в окружающую его русскую жизнь со всеми ее противоречиями и контрастами.

В июле 1888 года он едет в Крым и на Кавказ. Его впечатления от щедрой, богатой природы юга непосредственны и ярки. «От Симферополя, — пишет он, — начинаются горы, а вместе с ними и красота. Ямы, горы, ямы, горы, из ям торчат тополя, на горах темнеют виноградники — все это залито луиным светом, дико, ново и настраивает фантазию на мотив гоголевской «Страшной мести». Особенно фантастично чередование пропастей и туннелей, когда видишь то пропасти, полное лунного света, то беспросветную, нехорошую тьму... В Севастополь я приехал ночью. Город красив сам по себе, красив и потому, что стоит у чудеснейшего моря. Самое лучшее у моря — это его цвет, а цвет описать нельзя. Похоже на синий купорос...».

Из Севастополя Чехов поехал морем на южное побережье Крыма. Ялта не понравилась ему. Этот буржуазно-фешенебельный курорт царской России показался ему в то время «чем-то мещански-ярмарочным. Коробообразные гостиницы, в которых чахнут несчастные чахоточные..., турнюры с очень откровенным выражением чего-то очень гнусного, эти рожи бездельников-богачей с жадной грошовых приключений, парфюмерный запах вместо запаха кедров и моря, жалкая, грязная пристань, грустные огни на море, болтовня барышень и кавалеров, понаехавших сюда наслаждаться природой, в которой они ничего не понимают, — все это в общем дает такое унылое впечатление и так внушительно, что начинаешь обвинять себя в предубеждении и пристрастии».

Из Ялты Антон Павлович проехал в Феодосию, а 25 июля был уже в Сухуме на Кавказском побережье. Природа Кавказа особенно поразила его после восточного Крыма. «Я в Абхазии! — сообщает он в одном из писем. — Ночь ночевал в монастыре «Новый Афон», а сегодня с утра сижу в Сухуме. Природа удивительная до бешенства и отчаянья. Все ново, сказочно, глупо и поэтично. Эвкалипты, чайные кусты, кипарисы, кедры, пальмы, ослы, лебеди, буйволы, сизые журавли, а главное —

горы, горы и горы без конца и краю... Сижу я сейчас на балконе... через дорогу бульвар с маслинами, кедрами и кипарисами, за бульваром темносинее море. Жарко невыносимо!.. Кое-как спасаюсь купаньем... Если бы я пожил в Абхазии хотя месяц, то думаю, написал бы с полсотни обольстительных сказок. Из каждого кустика, со всех теней и полутеней на горах, с моря и с неба глядят тысячи сюжетов...».

Из Абхазии Антон Павлович поехал в Баку, а оттуда возвратился по Военно-грузинской дороге. Подытоживая свои дорожные впечатления, он в восторге писал: «Был я в Крыму, в Новом Афоне, в Сухуме, Батуме, Тифлисе, Баку... Видел я чудеса на решетке... Впечатления до такой степени новы и резки, что все пережитое представляется мне сновидением, и я не верю себе... Пережил я Военно-грузинскую дорогу. Это не дорога, а поэзия, чудный фантастический рассказ, написанный демоном и посвященный Тамаре... Вообразите две высокие стены и между ними длинный, длинный коридор; потолок — небо, пол — дно Терека... Стены высоки, небо еще выше... С вершины стен глядят вниз кудрявые деревья... Голова кружится! Это Дарьяльское ущелье, или, выражаясь языком Лермонтова, теснины Дарьяла».

Роскошная природа Кавказа восхитила Чехова. Влюбленный в ее красоту, он вернулся домой. А тут еще он узнает, что Академией наук ему присуждена половинная пушкинская премия в 500 рублей за книгу «В сумерках». Не скрывая радости, он рассказывает в своих письмах: «Известие о премии имело ошеломляющее действие. Оно пронеслось по моей квартире и по Москве, как грозный гром бессмертного Зевеса. Я все эти дни хожу, как влюбленный; мать и отец несут ужасную чепуху и несказанно рады, сестра, стерегущая нашу репутацию со строгостью и мелочностью придворной дамы, честолюбивая и нервная, ходит к подругам и всюду трезвонит».

В другом письме, к Григоровичу, он снова повторяет: «Премия для меня, конечно, счастье, и если бы я сказал, что она не волнует меня, то солгал бы... Вчера и сегодня я брожу из угла в угол, как влюбленный, не работаю и только думаю».

А думать приходилось об очень многом. Академическая премия вновь поставила перед писателем вопрос о значении для общества его произведений. Антон Павлович теперь еще острее почувствовал ответственность за каждое написанное им слово. Поэтому, когда известный русский поэт А. Н. Плещеев упрекнул его за отсутствие «направления» в его новом рассказе «Именины», Антон Павлович горячо запротестовал: «Но разве в рассказе от начала до конца я не протестую против лжи? Разве это не направление? Нет? Ну, так значит, я не умею кусаться или я блоха... Он чувствовал себя борцом против лжи буржуазной жизни, против фальши общественных отношений, и его оскорбляли несправедливые упреки в том, что у него нет

«направления» или что в его рассказах «отсутствует протестующий элемент», что «в них нет симпатий и антипатий».

А. П. Чехов открыто заявлял о своих симпатиях к людям труда, подвига, служения науке и родине. Как раз в это время он в некрологе, посвященном памяти умершего тогда знаменитого русского путешественника и исследователя Центральной Азии Н. М. Пржевальского, писал, что такие люди «стоят десятка учебных заведений и сотни хороших книг. Их идейность, благородное честолюбие, имеющее в основе честь родины и науки, их упорство, никакими лишениями, опасностями и искушениями личного счастья непобедимое стремление к раз намеченной цели, богатство их знаний и трудолюбие... делают их в глазах народа подвижниками, олицетворяющими высшую нравственную силу... Недаром, — заключал он, — Пржевальского, Миклуху-Маклая и Ливингстона знает каждый школьник и недаром по тем путям, где проходили они, народ составляет о них легенды». В этих словах А. П. Чехов выразил самое основное, самое глубокое свое убеждение в том, что только беззаветное, самоотверженное служение народу и родине дает человеку право на любовь, на признание, на бессмертие. Исходя из такого высокого взгляда на общественно полезную деятельность человека, он становился особенно требовательным к себе как к писателю, как выразителю лучших стремлений своего народа. Вот почему в первый год всеобщего признания и славы он так остро почувствовал недовольство собой, усомнился в том, сумеет ли оправдать возлагавшиеся на него надежды.

В Москве Антон Павлович жил в это время близ Кудринской площади (ныне площадь Восстания). Занимаемый чеховской семьей двухэтажный дом, похожий, по словам самого Чехова, на комод, всегда был полон гостей. К Чехову люди тянулись. Сколько знаменитостей побывало на Садовой-Кудринской! Бывал здесь и гениальный русский композитор П. И. Чайковский, полюбивший Чехова и хотевший писать оперу на либретто, сделанное Антоном Павловичем по повести Лермонтова «Бэла». Приезжал из Петербурга Д. В. Григорович, посещал этот дом и В. Г. Короленко, оставивший превосходное описание облика А. П. Чехова тех лет. «Предо мною, — рассказывал Короленко о своей первой встрече с Антоном Павловичем, — был молодой и еще более моложавый на вид человек, несколько выше среднего роста, с продолговатым, правильным и чистым лицом, не утратившим еще характерных юношеских черт. В этом лице было что-то своеобразное, что я не мог определить сразу и что впоследствии, по-моему, очень метко определила моя жена, тоже познакомившаяся с Чеховым. По ее мнению, в лице Чехова, несмотря на его несомненную интеллигентность, была какая-то складка, напоминавшая простодушного деревенского парня. И это было особенно привлекательно. Даже глаза Чехова, голубые, лучистые и глубокие, светились

одновременно мыслью и какой-то почти детской непосредственностью. Простота всех движений, приемов и речи была господствующей чертой во всей его фигуре, как и в его писаниях. Вообще в это первое свидание Чехов произвел на меня впечатление человека глубоко жизнерадостного; Казалось, из глаз его струится неисчерпаемый источник остроумия и непосредственного веселья, которым были переполнены его рассказы. И вместе угадывалось что-то более глубокое, чему еще предстоит развернуться, и развернуться в хорошую сторону. Общее впечатление было цельное и обаятельное».

IX

В. Г. Короленко был прав, угадывая за непосредственным весельем и неисчерпаемым остроумием «что-то более глубокое, чему еще предстояло развернуться», в А. П. Чехове. Как раз в это время Антон Павлович переживал мучительное состояние, творческий и душевный кризис. Иногда его охватывали приливы такой тоски, что ему становилось страшно оставаться наедине с собой. «Бывают минуты, когда я положительно падаю духом, — признавался он. — Для кого и для чего я пишу? Для публики? Но я ее не вижу... Нужен я этой публике или не нужен, понять я не могу. Буренин (сотрудник «Нового времени», реакционный журналист. — Н. В.) говорит, что я не нужен и занимаюсь пустяками, Академия дала премию — сам черт ничего не поймет. Писать для денег? Но денег у меня никогда нет, и к ним я от непривычки иметь их почти равнодушен. Для денег я работаю вяло. Писать для похвал? Но они меня только раздражают».

Чехова мучительно волновал вопрос: для кого он работает? Буржуазные критики вроде Буренина сознательно стремились дезориентировать его, внушить ему, что работа писателя — никому не нужные пустяки.

А. П. Чехов ощущал глубокую неудовлетворенность, чувствовал необходимость решить для себя как писателя основной вопрос жизни: что делать, чтобы своим творчеством содействовать прогрессу, улучшению невыносимо тяжелой жизни народа? Без решения этого вопроса, без определения путей для устранения общественного зла имеет ли он право быть писателем, быть учителем людей? Не писать же ему, в самом деле, пустяки, как думает Буренин? Необходимость определенного мировоззрения, которое позволило бы ему решить все наболевшие вопросы, стала для него теперь очевидной. «Осмысленная жизнь без определенного мировоззрения, — заявляет он в одном из писем, — не жизнь, а тягота, ужас».

1888 год окончился для Антона Павловича далеко не радостно. Наряду с душевным кризисом появились тревожные симптомы тяжелого легочного заболевания. Он и раньше замечал у себя случаи кровохарканья, но не придавал этому серь-

езного значения. Но в конце 1888 года ему пришлось заговорить о своей болезни. «Каждую зиму, осень и весну и в каждый сырой летний день я кашляю. Но все это пугает меня только тогда, когда я вижу кровь: в крови, текущей изо рта, есть что-то злое, как в зареве...».

В январе 1889 года в Петербурге, на сцене Александринского театра, с большим успехом прошла пьеса Чехова «Иванов». Герой пьесы, по определению самого автора, «человек, ничем не замечательный». Это типичный представитель 80-х годов. Он чувствует физическое утомление и скуку, но главный его враг — душевное одиночество, отсутствие определенной цели в жизни. Он сам не понимает, что с ним делается, что произошло, ищет причины своего состояния и ничего не находит, кроме смутного чувства собственной вины в чем-то. Он говорит: «День и ночь болит моя совесть, чувствую, что глубоко виноват, но в чем собственно моя вина, не понимаю»...

Все персонажи этой пьесы глубоко типичны. «Эти люди, — говорит А. П. Чехов, — родились в моей голове не из пены морской, не из предвзятых идей, не из «умственности», не случайно. Они результат наблюдения и изучения жизни. Они стоят в моем мозгу, и я чувствую, что я не солгал ни на один сантиметр и не перемудрил ни на одну иоту».

Да, сама жизнь говорила писателю, что поиски смысла жизни его героями, их чувство виновности в неустроенности общественных отношений — все это результат невидимой большой работы, которая совершалась в эпоху 80-х годов и знаменовала собой подготовку к новому подъему революционного движения в стране. Только немногие современники, обладавшие большим политическим опытом и зоркостью, понимали значение переживаемой ими эпохи «безвременья». Так, великий русский писатель-демократ М. Е. Салтыков-Щедрин писал в 80-х годах: «Ясно, что идет какая-то знаменательная внутренняя работа, что народились новые подземные ключи, которые кипят и хлопочут с очевидной решимостью пробиться наружу. Исконное течение жизни все больше заглушается этим подземным гудением; трудная пора еще не наступила, но близость ее признается уже всеми»¹.

Не с такой ясностью, как Салтыков-Щедрин, но с не меньшей силой Чехов чувствовал, что старая жизнь изжила себя, что нужны новые идеи в литературе, новые слова и новые формы. Пьеса «Иванов» свидетельствовала о том, что писатель вступил на путь поисков нового.

1889 год принес тяжелое испытание А. П. Чехову. На его глазах мучительно умирал брат Николай, талантливый художник. Все усилия Антона Павловича спасти брата не привели ни

к чему. В апреле болезнь художника обострилась, стало ясно, что дни его сочтены.

Николай Чехов умер 17 июня 1889 года. Смерть его произвела глубокое впечатление на Антона Павловича. Он хочет куда-нибудь уехать и действительно уезжает — сначала в Одессу, оттуда пароходом в Ялту, нигде не находя себе места.

Во второй половине 1889 года печатается большая повесть Чехова «Скучная история». Герой ее — известный русский ученый, профессор медицины. Ему шестьдесят два года, он уже стар. Молодежь верит ему, его жизненному опыту и ждет от него ответа на главный вопрос жизни: что делать? Его воспитанница Катя, немало испытывавшая неудач в жизни, умная, образованная, красивая молодая женщина, с отчаянием обращается к нему: «Николай Степанович! Я не могу дальше так жить! Не могу! Ради истинного бога, скажите скорее, сию минуту: что же мне делать?... Ведь вы умны, образованы, долго жили! Вы были учителем! Говорите же: что мне делать?»

И он, желая быть честным и правдивым, может ей ответить только так: «По совести, Катя: не знаю...».

Он понимает, что Катя начала жить в иное время, чем он. Иные задачи ставит перед ней жизнь, требуя определенных решений и поступков. «Отсутствие того, что товарищи-философы называют общей идеей, — думает Николай Степанович, — я заметил в себе только незадолго перед смертью, на закате своих дней, а ведь душа этой бедняжки не знала и не будет знать прикута всю жизнь, всю жизнь!»

Подводя итог своей прожитой жизни, он приходит к выводу: «Сколько бы я ни думал и куда бы ни разбрасывались мои мысли, для меня ясно, что в моих желаниях нет чего-то главного, чего-то очень важного... Во всех мыслях, чувствах и понятиях, какие я составляю обо всем, нет чего-то общего, что связывало бы все это в одно целое. Каждое чувство и каждая мысль живут во мне особняком, и во всех моих суждениях о науке, театре, литературе, учениках, и во всех картинках, которые рисует мое воображение, даже самый искусный аналитик не найдет того, что называется общей идеей, или богом живого человека. А коли нет этого, то, значит, нет и ничего.

При такой бедности достаточно было серьезного недуга, страха смерти, влияния обстоятельств и людей, чтобы все то, что я прежде считал своим мировоззрением и в чем видел смысл и радость своей жизни, перевернулось вверх дном и разлетелось в клочья. Ничего же поэтому нет удивительного, что последние месяцы своей жизни я омрачил мыслями и чувствами, достойными раба и варвара... Когда в человеке нет того, что выше и сильнее всех внешних влияний, то, право, достаточно хорошего насморка, чтобы потерять равновесие и начать видеть в каждой птице сову, в каждом звуке слышать собачий вой»...

Историю старого ученого, признавшего себя под конец

¹ М. Е. Салтыков-Щедрин. Полн. собр. соч., т. XVI, М., ГИХЛ, 1937, стр. 447.

жизни побежденным, потому что у него не оказалось ни цели, ни смысла, ради которых стоило жить и не страшно было умереть, Чехов назвал скучной. Скучной, так как такие истории повторялись часто и составляли хмурый, серый фон русской жизни 80-х годов. Во время работы над повестью «Скучная история» Антон Павлович еще сам не изжил до конца ту «скуку жизни», которую он с такой беспощадностью разоблачал в повести. Но он уже ясно понимал, что «осмысленная жизнь без определенного мировоззрения — не жизнь, а тягота, ужас».

Это ужас человека, осознавшего свое одиночество, неуверенного в общественной необходимости своего труда. В капиталистическом обществе, культивирующем индивидуализм, беспринципное деличество, страсть к наживе, все лучшие человеческие чувства или вырождаются, или несут духовную смерть человеку. «Вот уже два года, — признавался А. П. Чехов, — я разлюбил видеть свои произведения в печати, оравнодушно к рецензиям, к разговорам о литературе... В душе какой-то застой... Я не разочарован, не утомлен, не хандрю, а просто стало вдруг все как-то менее интересно».

Выход из создавшегося тупика для Чехова был один: погрузиться в глубины народной жизни, понять причины неустроенности и страданий, которые он видел кругом себя и с которыми не могла мириться его чуткая совесть русского писателя. В таком состоянии он задумывает поездку на остров Сахалин, где тогда находилась каторжная тюрьма. Чехову предстояла длинная дорога через два континента по необъятным просторам родины, от Москвы до Тихого океана. Но трудности такого пути его не смущали. Наоборот, «поездка, — говорит он, — это непрерывный полугодовой труд, физический и умственный, а для меня это необходимо».

На удивленные вопросы знакомых о цели его путешествия Чехов отвечает: «Вы пишете, что Сахалин никому не нужен и ни для кого не интересен. Будто бы это верно?.. Не дальше, как 25—30 лет назад наши же русские люди, исследуя Сахалин, совершали изумительные подвиги, за которые можно боготворить человека, а нам это не нужно, мы не знаем, что это за люди, и только сидим в четырех стенах и жалуемся на то, что бог дурно создал человека. Сахалин — это место невыносимых страданий, на какие только бывает способен человек вольный и подневольный. Из книг, которые я прочел и читаю, видно, что мы сгноили в тюрьмах миллионы людей, сгноили зря, без рассуждений, варварски; мы гоняли людей по холоду в кандалах десятки тысяч верст, заражали сифилисом, размножали преступников и все это сваливали на тюремных красноносых смотрителей... виноваты не смотрители, а все мы, но нам до этого дела нет, это не интересно».

Так Антон Павлович обличал равнодушие буржуазного общества к страданиям народа, обвинял это общество в преступ-

ной жестокости к людям, в отсутствии патриотического интереса к подвигам своих соотечественников, в мещанском стремлении замкнуться в четырех стенах и отговориться от своей ответственности жалобой на «объективные» условия жизни.

X

В апреле 1890 года Антон Павлович выехал из Москвы. По железной дороге он доехал до Ярославля, а там пересел на пароход. По Волге и Каме он без всяких приключений доплыл до Перми (ныне город Молотов). Через Уральские горы он ехал поездом до Тюмени. Дальше железной дороги не было, через всю Сибирь шел почтовый тракт с ямщиками, почтовыми станциями и переменными лошадьми.

Везде в дороге Антон Павлович с интересом наблюдал жизнь простых русских людей, восхищаясь трудолюбием, энергией и умом русского народа. «...езда здесь совершенно безопасная, — сообщает он в письмах. — От Тюмени до Томска ни почтовые, ни вольные ямщики не помнят, чтобы у проезжающего украли что-нибудь; когда идешь на станцию, вещи оставляешь на дворе; на вопрос, не украдут ли, отвечают улыбкой. О грабежах и убийствах по дороге не принято даже говорить. Мне кажется, потеряй я свои деньги на станции или в возке, нашедший ямщик непременно возвратил бы мне их и не хвастался бы этим. Вообще народ здесь хороший, добрый и с прекрасными традициями». Но по приезде в Томск Антон Павлович вынужден констатировать, что в городе «бесправие азиатское».

Противоречие между прекрасными качествами самого народа и условиями, в которых ему приходится жить, поражало писателя в Сибири с еще большей остротой. Так, он приводит интересный свой разговор с одним встречным сибиряком. «Человек-то ведь здесь стоящий, сердце у него мягкое, он и не украдет, и не обидит... — говорил этот встречный Чехову. — Золото, а не человек, но, гляди, пропадает ни за грош, без всякой пользы, как муха или, скажем, комар. Спросите его: для чего он живет?

— Человек работает, сыт, одет, — говорю я. — Что же ему еще нужно?

Все-таки он должен понимать, для какой надобности он живет... Человек не лошадь. Примерно, у нас по всей Сибири нет правды. Ежели и была какая, то уж давно замерзла. Вот и должен человек эту правду искать»...

На всем огромном пространстве русской земли Антон Павлович видел эти поиски «правды» или, как он сам сказал бы, той «общей идеи», без которой жизнь казалась бессмысленной, тягостной, ужасной. Он видел, что везде массы трудового народа страстно хотят новой, лучшей жизни, но только не знают,

как найти ее. Он видел, что родная страна стоит в преддверии великих перемен, и это радовало его, заставляло верить, что новая, лучшая жизнь уже близка.

На Енисее Чехов был очарован красотой суровой, могучей сибирской природы. «Не в обиду будь сказано ревнивым почитателям Волги, — восторженно восклицает он, — в своей жизни я не видел реки великолепнее Енисея. Пускай Волга нарядная, скромная, грустная красавица, зато Енисей могучий, неистовый богатырь, который не знает, куда девать свои силы и молодость». И тут же невольно Антон Павлович переходит к раздумью о судьбах родной земли: «На Волге человек начал удалю, а кончил стоном, который зовется песнью... на Енисее же жизнь началась стоном, а кончится удалю, какая нам и во сне не снилась».

Сама природа родины открывала перед Чеховым великие перспективы, давала твердую уверенность в том, что русский народ, сумевший покорить эти пространства, сумеет разорвать и цепи, тяготевшие на нем. Да, он построит светлую, счастливую жизнь! Антон Павлович теперь не сомневался в этом. Только когда? Хотелось верить, что скоро. Несомненно одно: нужно работать для приближения этого прекрасного будущего.

Путешествие по родной земле дало Чехову больше, чем он ожидал. Добравшись до Иркутска, Антон Павлович с удовлетворением сообщает: «Многое я видел и многое пережил, и все чрезвычайно интересно и ново для меня не как для литератора, а просто как для человека. Енисей, тайга, станции, ямщики, дикая природа, дичь, физические мучительства, причиняемые дорожными неудобствами, наслаждения, получаемые от отдыха, — все вместе взятое так хорошо, что и описать не могу. Уж одно то, что я больше месяца день и ночь был на чистом воздухе — любопытно и здорово; целый месяц ежедневно я видел восход солнца от ночи и до конца».

Из Иркутска пришлось ехать берегом Ангара до Байкала. «Что-то новое и оригинальное, — пишет Антон Павлович. — Ехали по берегу, доехали до устья и повернули влево; тут уж берег Байкала, который в Сибири называется морем. Зеркало. Другого берега, конечно, не видно: 90 верст. Берега высокие, крутые, каменистые, лесистые; направо и налево видим мысы, которые вдаются в море, вроде Аю-дага и феоdosийского Тохтебеля. Похоже на Крым. Станция Лиственичная расположена у самой воды и поразительно похожа на Ялту: будь дома белые, совсем была бы Ялта. Только на горах нет построек, так как горы слишком отвесны и строиться на них нельзя».

На Сахалине Антон Павлович, не теряя времени, принялся за большую, напряженную работу. В течение трех месяцев он объездил весь Северный и весь Южный Сахалин, побывал почти в каждом населенном пункте, переписал всех ссыльных и каторжан, стремясь закончить свою работу до закрытия нави-

гации, чтобы успеть выехать с острова с последним парходом.

Возвращался с Сахалина Антон Павлович морем, вокруг всей Азии, минуя Японию, где тогда была холера, с заходом в Гонконг, Сингапур, на Цейлон. Везде Антон Павлович интересовался природой, жизнью и бытом населения.

Дальше пароход плыл 13 суток по Индийскому океану, где пассажиры изнемогали от палящего зноя. Посмотрел он Красное море, Суэцкий канал, проплыл мимо бесконечных архипелагов Эгейского моря, любовался Дарданеллами, Мраморным морем и Константинополем. Наконец, долгожданное русское Черное море и Одесса.

Великий писатель вернулся из путешествия обогащенный всем виденным и пережитым. Он узнал жизнь своего народа на огромной территории от Москвы до Сахалина. Он видел неутомимый труд простых русских людей, их мужество, твердость, выносливость. Он также узнал, как грабили народ бесчисленные царские чиновники, как эксплуатировали его купцы и помещики. Великий писатель — совесть народа, — он еще сильнее почувствовал свою ответственность за неисчерпаемое море народных страданий. С необычайной силой он потянулся теперь к тому новому, что обязательно должно прийти в жизнь, перестроить и преобразить ее. Страстная вера в лучшее будущее, которое обязательно настанет на земле и ради приближения которого надо неустанно работать, становится теперь лейтмотивом всего творчества А. П. Чехова.

XI

Прежде чем приняться за писание книги о Сахалине, которая должна была познакомить читателей со страшной действительностью этого острова, Антон Павлович решил на короткое время съездить за границу, чтобы немного отвлечься, успокоиться, взглянуть на пережитое как бы со стороны, изда-лека.

19 марта 1891 года он выехал в Вену. Этот старинный город ему понравился, особенно в архитектурном отношении. Еще большее впечатление произвела Венеция.

Но первое впечатление от нарядности и красоты быстро уступает у него за границей другому чувству. «Видел я Мадонну Тициана, — пишет он. — Очень хороша. Но жаль, что здесь отличные картины густо перемешаны с ничтожными произведениями, которые сохраняются, а не выбрасываются только из духа консерватизма. Дом, где жила Дездемона, отдается внаймы». Последняя фраза уже звучит осуждением и протестом.

Дальнейшие впечатления от заграницы сопровождаются все более критическими замечаниями Антона Павловича. Ита-

лия — «очаровательная страна, но в гостиницах там буржуазная, мещанская роскошь: люстры, ковры, каминь и всякая ненужная чепуха». С набережной в Неаполе видны море, Везувий, Капри, Сорренто; в удивительном аквариуме есть даже акулы и спруты. Но вот, «был в парикмахерской и видел, как одному молодому человеку целый час подстригали бородку. Вероятно, жених или шулер». Так назойливо лезла в глаза пошлая, фатовская «буржуазная цивилизация» с ее показной внешностью, лишенной внутренней красоты и содержательности.

Из Италии Антон Павлович проехал во Францию, побывал в Ницце и в знаменитом Монте-Карло — этом игорном доме для всего мира. «Около казино с рулеткой, — пишет Чехов, — есть другая рулетка — это ресторан. Дерут здесь страшно и кормят великолепно. Что ни порция, то целая композиция, перед которой в благоговении нужно преклонять колени, но отнюдь не осмеливаться есть ее. Всякий кусочек изобильно уснащен артишоками, трюфелями, всякими соловьиными языками... И, боже ты мой господи, до какой степени презренна и мерзка эта жизнь с ее артишоками, пальмами, запахами помаранцев! Я люблю роскошь и богатство, но здешняя рулеточная роскошь производит на меня впечатление роскошного ватерклозета. В воздухе висит что-то такое, что, вы чувствуете, оскорбляет вашу порядочность, опошляет природу, шум моря».

В Париже Антон Павлович побывал на картинной выставке. Впечатление у него осталось такое: «русские художники гораздо серьезнее французских. В сравнении со здешними пейзажистами... Левитан король».

В начале мая Антон Павлович вернулся в Москву и принялся за работу. Он стал писать книгу о Сахалине. Работал он упорно, но книга подвигалась медленно. Антон Павлович поставил перед собой задачу написать книгу так, чтобы художественность сочеталась в ней с научностью.

Наконец «Остров Сахалин» стал печататься главами в либеральном журнале «Русская мысль». Читатели были потрясены правдой, которая открывалась перед ними со страниц этой книги.

С внешним бесстрашием Чехов описывал систему истязаний, на которой зиждились колонизация и правовая основа «благополучной» жизни на острове. Вот, например, страшная картина наказания плетью, обычная для сахалинских «порядков», виденная Чеховым в Дуэ. Арестанта Прохорова, осужденного за попытку бегства из тюрьмы, привязали к скамье.

«Палач берет плетль с тремя ременными хвостами и не спеша расправляет ее.

— Поддержись! — говорит он негромко и, не размахиваясь, как бы только примериваясь, наносит первый удар.

— Ра-а-а! — говорит надзиратель дьячковским голосом.

В первое мгновение Прохоров молчит и даже выражение

лица у него не меняется, но вот по телу пробегает судорога от боли и раздается не крик, а визг.

— Два! — кричит надзиратель.

Палач стоит сбоку и бьет так, что плетль ложится поперек тела. После каждого пяти ударов он медленно переходит на другую сторону и дает отдохнуть полминуты. У Прохорова волосы прилипли ко лбу, шея надулась; уже после пяти — десяти ударов тело, покрытое рубцами еще от прежних плетей, побагровело, посинело; кожа лопается на нем от каждого удара.

— Ваше высокоблагородие! — слышится сквозь визг и плач. — Ваше высокоблагородие! Пощадите, ваше высокоблагородие.

И потом, после двадцатого — тридцатого удара Прохоров причитывает, как пьяный или точно в бреду:

— Я человек несчастный, я человек убитый... За что же это меня наказывают?

Вот уж какое-то странное вытягивание шеи, звук рвоты... Прохоров не произносит ни одного слова, а только мычит и хрипит; кажется, что с начала наказания прошла целая вечность, но надзиратель кричит только: «Сорок два! Сорок три!» До девяности далеко. Я выхожу наружу. Кругом на улице тихо, и раздающиеся звуки из надзирательской, мне кажется, доносятся по всему Дуэ. Вот прошел мимо каторжный в вольном платье, мельком взглянул на надзирательскую, и на лице его и даже в походке выразился ужас. Вхожу опять в надзирательскую, потом опять выхожу, а надзиратель все еще считает.

Наконец, девяносто. Прохорову быстро распутывают руки и ноги и помогают ему подняться. Место, по которому били, синевато-розово от кровоподтеков, кровоточит. Зубы стучат, лицо желтое, мокрое, глаза блуждают. Когда ему дают каплю, он судорожно кусает стакан.

А. П. Чехов не только раскрывает одну из картин сахалинской жизни. Он показывает читателям, как действуют эти истязания на окружающих людей, приводя к общему огрублению, садистическим извращениям психологии и нравов самих наказываемых. «От телесных наказаний, — пишет Чехов в своей книге, — грубеют и ожесточаются не одни только арестанты, но и те, которые наказывают и присутствуют при наказании. Исключения не составляют даже образованные люди. По крайней мере, я не замечал, чтобы чиновники с университетским образованием относились к экзекуции иначе, чем военные фельдшеры или кончившие курс в юнкерских училищах или духовных семинариях. Иные до такой степени привыкают к плетлям и розгам и так грубеют, что, в конце концов, даже начинают находить удовольствие в дранье. Про одного зрителя тюрьмы рассказывают, что, когда при нем секли, он насвистывал; другой, старик, говорил арестанту с злорадством: «Что ты кричишь, господь с тобой? Ничего, ничего, держись! Всыпь

ему, всыпь! Жигани его!». Третий велел привязывать арестанта к скамье за шею, чтобы тот хрипел, давал 5—10 ударов и уходил куда-нибудь на час-другой, потом возвращался и давал стальные».

Впечатление от книги Чехова было настолько сильным, что царское правительство вынуждено было послать специальную комиссию на Сахалин, чтобы несколько успокоить взволнованное общественное мнение.

Сам Антон Павлович дорожил новой своей книгой. «Мой Сахалин, — говорил он, — труд академический... И я рад, что в моем беллетристическом гардеробе будет висеть и сей жесткий арестантский халат».

Поездка на остров Сахалин была исключительно важной вехой в жизни и творчестве писателя. И не только потому, что в результате этой поездки он написал замечательную книгу, но главным образом потому, что пребывание на «каторжном острове» привело Чехова к переоценке всех ценностей, что сказалось самым положительным образом на всех последующих его художественных произведениях.

ХII

В 1891 году голод охватил ряд губерний царской России. В. И. Ленин в статье «Признаки банкротства» писал о причине голода: «Хищническое хозяйство самодержавия покоилось на чудовищной эксплуатации крестьянства. Это хозяйство предполагало, как неизбежное последствие, повторяющиеся от времени до времени голодовки крестьян той или иной местности. В эти моменты хищник-государство пробовало парадировать перед населением в светлой роли заботливого кормильца им же обобранного народа. С 1891 года голодовки стали гигантскими по количеству жертв, а с 1897 г. почти непрерывно следующими одна за другой. В 1892 г. Толстой с ядовитой насмешкой говорил о том, что «паразит собирается накормить то растение, соками которого он питается»¹.

Реакционная печать в причине голода обвиняла самих крестьян, будто бы отлынивающих от работы, пьянствующих и т. д. Эта наглая лож буржуазной прессы возмущала Чехова. С гневом он писал: «По-ихнему, на ком 15 рублей недоимки, тот уж и пустельга, тому и пить нельзя, а сосчитали бы они, сколько недоимки на государствах, на первых министрах, сколько должны все предводители дворянства и архиереи, взятые вместе. Что должна гвардия!»

Чехов хотел помочь народу. Он испытывал острую жажду общественно полезной деятельности. Писатель должен быть прежде всего гражданином своей страны. «Если я врач, — гово-

рил Антон Павлович, — то мне нужны больные и больницы; если я литератор, то мне нужно жить среди народа, а не на Малой Дмитровке».

Он принял участие в борьбе с голодом. Общение с крестьянами помогло ему еще лучше узнать и понять тяжелую жизнь народа, на шее которого сидело столько эксплуататоров-тунеядцев.

В 1892 году Антон Павлович покупает небольшое имение Мелихово в 100 километрах к югу от Москвы. Имение было крайне запущено. Мужики, по словам самого Чехова, забиты, запуганы и раздражены. Но как только новый владелец переехал в усадьбу, крестьяне, узнав о том, что он врач, толпами потянулись к нему за помощью. Больные приходили даже за 20—25 километров, из других деревень. Антон Павлович никому не отказывал, всех внимательно выслушивал, выстукивал, помогал советами и лекарствами.

Мелиховский период в жизни Чехова отмечен дальнейшим ростом творчества писателя. За годы с 1892 по 1898-й он создает такие произведения, как «Палата № 6», «Попрыгунья», «Три года», «Дом с мезонином», «Моя жизнь», «Чайка», «Дядя Ваня», «Мужики», и ряд других шедевров.

«Палата № 6» явилась гениальным обобщением современной ему русской жизни. Это был страстный протест против произвола, насилий над людьми, бывших обычным явлением в царской России. О впечатлении, которое произвел этот рассказ на передовых людей нашей страны, можно судить по словам, сказанным Владимиром Ильичем Лениным его сестре Анне Ильичне: «Когда я дочитал вчера вечером этот рассказ, мне стало прямо-таки жутко, я не мог остаться в своей комнате, я встал и вышел. У меня такое ощущение, точно я заперт в палате № 6»¹.

Герой повести «Палата № 6» — Андрей Ефимович Рагин. Он доктор больницы в глухом провинциальном городе. Когда-то Рагин энергично боролся с нерадивостью, воровством, грязью, процветавшими в больнице. Потом он пришел к заключению, что лбом стену не прошибешь, постепенно опустил плечи, оравнодушел ко всему. Чехов говорит о нем: «Андрей Ефимович чрезвычайно любит ум, честность, но, чтобы устроить около себя жизнь умную и честную, у него не хватает характера и веры в свое право». Рагин отстранился от активного участия в жизненной борьбе, он создал удобную философию, оправдывающую его пассивное отношение ко всему: покой и довольство не вне его, а в нем самом.

Пока Рагин философствовал, в больнице всем заправлял грубый сторож Никита. Он жестоко избивал больных, находив-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 66—67.

¹ А. И. Ульянова-Елизарова. Воспоминания об Ильиче. М., 1934, стр. 44—45.

шихся в психиатрической палате № 6. Но Рагин не замечал этого. Его заинтересовали рассуждения больного Ивана Дмитриевича Громова, находившегося в этой палате. Громов со страстью говорил о необходимости борьбы против зла жизни, о недопустимости равнодушия и безразличного отношения к людям. «Видите вы, например, — иронизировал он по адресу Рагина, — как мужик бьет жену. Зачем вступаться? Пускай бьет, все равно оба помрут рано или поздно... Нас держат здесь за решеткой, гноят, истязуют, но это прекрасно и разумно, потому что между этой палатой и теплым, уютным кабинетом нет никакой разницы. Удобная философия: и делать нечего, и совесть чиста, и мудрецом себя чувствуешь... Да! Страдания презираете, а небось, прищепи вам дверью палец, так заорете во все горло!»

Рагин чувствует правоту Громова и ничего не может возразить ему по существу. Помощник Рагина, врач Хоботов, основываясь на дружеских беседах доктора с больными, объявил Рагина сумасшедшим и посадил его в ту же палату № 6, где сидел Громов. Теперь Андрей Ефимович почувствовал, что мириться с несправедливостью и жестокостью нельзя. Вместе с Громовым он заявляет свой решительный протест против больничного режима. Но сторож Никита жестоко избивает их обоих. И тут, говорит Чехов о Рагине, «в голове его, среди хаоса, мелькнула страшная, невыносимая мысль, что такую же точно боль должны были испытывать годами, изо дня в день, эти люди».

Но еще страшнее для Рагина оказалась мысль о том, «как могло случиться, что в продолжение больше, чем двадцати лет, он не знал и не хотел знать этого?» Совесть не позволила Рагину оправдать свое обывательское равнодушие, свое бегство в скорлупку собственного благополучия в прошлом.

В повести «Палата № 6» Чехов показал, что никто не может отстраниться от ответственности за творимые в жизни безобразия, страдания и боль. Никто не может свалить вину на «красноносых смотрителей», как он писал еще перед поездкой на Сахалин. В новой повести Чехов ясно говорит, что каждый человек должен сознать свое место в жизни, с кем он — с угнетателями или угнетенными? Нельзя отделываться фразами, софизмами от решения этого вопроса. В «Палате № 6» перед читателем художественно символизировалась вся огромная страна, в которой всякие реакционные теории смирения, противопоставления злу насилием только увеличивали сумму общественных бедствий и способствовали росту произвола и эксплуатации.

Новая повесть Чехова — свидетельство того, что эпоха молчания в стране кончилась, что растут протестующие силы, поднимается новая волна революционного движения, которая сметет старый мир насилия и зла. Но сам Чехов еще неясно представлял себе эти новые силы, не видел перспектив начавшейся борьбы. Он, гениальный художник, своими великими произве-

дениями будил общественное сознание, горячо верил в приближение новой, лучшей жизни, но когда она придет и как это произойдет, он сказать не мог.

В том же 1892 году Чехов создает рассказ «Попрыгунья», который сюжетно никак не связан с «Палатой № 6», но внутренне продолжает тему о волевых людях, о значении труда, о необходимости активного отношения к жизни. Герой рассказа «Попрыгунья» — молодой русский ученый, медик Дымов. Он, демократ по происхождению, некоторыми чертами своего характера — скромностью, простотой, упорством, трудолюбием и любовью к родине, к русскому народу — приближается к таким образам русских разночинцев-демократов, как Лопухов или Кирсанов из романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?»

Жена Дымова, которой муж кажется слишком обыкновенным, простым человеком, ищет знакомства обязательно с «великими» людьми, знаменитостями. Она увлекается артистами, писателями, художниками, но быстро разочаровывается в новых своих знакомых.

Между тем Дымов умирает, спасая больного дифтеритом мальчика. Тогда только становится ясным, каким самоотверженным, необходимым человеком был Дымов. А жена Дымова, пропрыгавшая всю жизнь в поисках «великого» человека, неспособна была оценить незаметного труженика, без шума и крикливых фраз делавшего истинно великое дело.

Образом Дымова А. П. Чехов разоблачал народнический культ личности, теории «героев», творящих историю и противостоящих пассивным массам. Истинно прогрессивная, великая русская литература на протяжении всего XIX века проявляла повышенный интерес к «маленьким» людям, без которых невозможна была бы вся история человечества.

О счастье, о человеческом достоинстве простых, обыкновенных людей повествует творчество Чехова, начиная с 90-х годов. Нетрудно увидеть в этом глубокую связь писателя с жизнью своего народа, с тем подъемом революционно-освободительного движения, которое, все нарастая, развивалось именно в эти годы в нашей стране.

XIII

В 1895 году появляется замечательная повесть А. П. Чехова «Три года». В ней писатель изображает капиталистический мир с его удушливым, амбарным запахом, с его самодурством, издевательствам над человеческой личностью, жестокой эксплуатацией. Недаром в этой повести один из купеческих приказчиков, возмущенный до предела, «выбежал на улицу в одном нижнем белье, босой, и, грозя на хозяйские окна кулаком, кричал, что его замучили».

Но мрачный фон этой повести не мог заслонить ее оптими-

стического характера в целом. В повести показаны люди, предчувствующие близость конца «темного царства» и с огромным энтузиазмом работающие в преддверии торжества новой жизни. Таков, например, молодой химик Ярцев, который много работает, сознает полезность своего труда и говорит купцу Лаптеву: «Как богата, разнообразна русская жизнь! Ах, как богата! Знаете, я с каждым днем все более убеждаюсь, что мы живем накануне величайшего торжества, и мне хотелось бы дожить, самому участвовать».

Знаменательно это желание героя повести не только дожить, но и самому участвовать в создании новой, лучшей жизни. Ярцев в повести не одинок, у него есть друг Костя, тоже разночинец, «кухаркин сын», который также убежден, что «в России все необыкновенно талантливо, даровито и интересно». Оба они истинные патриоты, для них нет ничего на свете дороже родной страны, дорожке народа. О них Чехов говорит: «И Ярцев и Костя родились в Москве и обожали ее... Они были убеждены, что Москва замечательный город, а Россия замечательная страна». В этих словах чувствуются душевные мысли самого Чехова, безгранично верившего в свой народ и страну.

С каждым новым произведением в творчестве А. П. Чехова стала все яснее проступать мысль о необходимости решительного переустройства всей русской жизни. В связи с этим все резче звучит в его повестях и рассказах осуждение либерально-народнического лозунга «малых дел». На этих мотивах построена его замечательная повесть «Дом с мезонином». Герой этой повести — молодой художник, влюбленный в девушку из соседней усадьбы, которую родные зовут Мисюсю. Мисюся живет с матерью и старшей сестрой Лидой — учительницей земской школы. Лида увлечена теорией «малых дел», она устраивает школы, аптеки, медицинские пункты. Доказывая важность таких дел, она рассказывает следующее: «На прошлой неделе, — говорит она, — умерла от родов Анна, а если бы поблизости был медицинский пункт, то она осталась бы жива».

Но художник возражает ей, что такими мерами нельзя изменить общие условия жизни, которые для народа невыносимы. «По-моему, — говорит он, — медицинские пункты, школы, библиотечки, аптечки при существующих условиях служат только порабощению. Народ опутан цепью великой, и вы не рубите этой цепи, а лишь прибавляете новые звенья».

Лида неспособна широко и смело взглянуть на задачи, которые ставит перед нею жизнь. Единственное, что ей остается, — это мелко, но чувствительно отомстить художнику. Она настаивает на отъезде младшей сестры и тем самым разрушает счастье художника.

Интересно отметить, что либеральная печать в своих отзывах об этой повести Чехова полностью поддержала именно Лиду, увидев в ней представительницу «той части русского общества,

которая работает пока в глуши, но в непрестанной борьбе с непреодолимыми препятствиями».

Разоблачая вредные иллюзии либерального народничества, А. П. Чехов продолжал великие традиции русских революционеров-демократов предшествующего поколения: Чернышевского, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, которые всегда видели в российском либерализме своего врага и неумолимо срывали с него все и всяческие маски.

Следующая повесть А. П. Чехова, «Моя жизнь», с еще большей силой показывала несостоятельность народнического либерализма, обывательского, мещанского благодушия. Герой повести Мисаил Полознев, уже с детства получивший ироническое прозвище «Маленькая польза», пытается практически осуществить толстовское учение об отказе от «благ цивилизации», «опрощении», жизни на основе только физического труда.

Его примером увлекается молодая девушка, дочь богатого инженера. Она выходит замуж за Полознева и самоотверженно трудится вместе с мужем, думая увлечь своим примером всех окружающих. Но ничего серьезного из этой попытки не вышло, и она вынуждена признаться: «Невежество, физическая грязь, пьянство, поразительно высокая детская смертность — все осталось, как и было, и оттого, что ты пахал и сеял, а я тратила деньги и читала книжки, никому не стало лучше».

Очевидно, мы работали только для себя и широко мыслили только для себя... Тут нужны другие способы борьбы, сильные, смелые, скорые! Если в самом деле хочешь быть полезен, то выходи из тесного круга обычной деятельности и старайся действовать сразу на массу».

Последние слова уже прямо указывают путь борьбы: обращение к массам, без которых нельзя победить в борьбе за переустройство всей общественной жизни. Недаром повесть «Моя жизнь» писалась в 1896 году, когда в России быстро развивалась революционная борьба рабочего класса. Необходимо вспомнить, что в 1895 году под руководством В. И. Ленина возник «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», что с 1895 по 1899 год в стране бастовало, по неполным данным, не менее 221 тысячи рабочих. Все это, конечно, не могло не отразиться на творчестве великого русского писателя, кровно связанного с жизнью своего народа.

К этому времени А. П. Чехов полностью преодолел и толстовское «непротивление злу насилием», которому отдал дань на короткое время. Еще в 1894 году он писал: «Толстовская мораль перестала меня трогать, в глубине души я отношусь к ней недружелюбно... Во мне течет мужицкая кровь, и меня не удивишь мужицкими добродетелями. Я с детства уверовал в прогресс и не мог не уверовать, так как разница между временем, когда меня драли, и временем, когда перестали драть, была страшная... расчетливость и справедливость говорят мне,

что в электричестве и паре любви к человеку больше, чем в целомудрии и воздержании от мяса».

XIV

В 1895 году А. П. Чехов начал писать пьесу «Чайка», которой суждено было открыть новые пути для русской реалистической драматургии. Сам автор сознавал новизну своей пьесы. «Комедия, три женских роли, шесть мужских, четыре акта, пейзаж (вид на озеро); много разговоров о литературе, мало действия, пять пудов любви», — говорит он сам, характеризуя свою новую пьесу. Действительно, «Чайка» не была похожа на обычные в то время пьесы, шедшие на сцене. Кроме обыкновенных театральных приемов, Чехов проводит по всей пьесе смену настроений действующих лиц, создающую как бы «подводное течение», которое заменяет «устаревшее действие».

Большое значение в пьесе «Чайка» получают недомолвки, паузы, перебои тональности в речах действующих лиц. На сцене перед зрителями открывалась жизнь такой, какова она есть. «В жизни, — говорил Чехов, — не каждую минуту стреляются, вешаются, объясняются в любви. И не каждую минуту говорят умные вещи... И вот надо, чтобы это было видно на сцене. Надо сделать такую пьесу, где бы люди приходили, уходили, обедали, разговаривали о погоде, играли в винт... Пусть на сцене все будет так же сложно и так же вместе с тем просто, как и в жизни. Люди обедают, только обедают, а в это время слагается их счастье и разбиваются их жизни».

В «Чайке» был полностью осуществлен этот драматургический принцип Чехова. Люди говорили самые обыкновенные вещи, совершали ничем не замечательные поступки, а в результате разбивались их жизни, они переставали понимать друг друга, испытывали мучительное одиночество.

«Чайка» — это пьеса о любви и искусстве. Из девяти действующих лиц в ней двое являются артистами и двое — писателями. В капиталистическом мире, с его законами индивидуализма, хищничества, эгоизма, искусство и любовь оказываются в тупике, становятся источником страданий людей. Талантливый писатель Тригорин говорит о себе: «Я не люблю себя, как писателя. Хуже всего, что я в каком-то чаду и часто не понимаю, что я пишу... Я люблю вот эту воду, деревья, небо, я чувствую природу, она возбуждает во мне страсть, непреодолимое желание писать. Но ведь я не пейзажист только, я ведь еще гражданин, я люблю родину, народ, я чувствую, что если я писатель, то я обязан говорить о народе, о его страданиях, об его будущем, говорить о науке, о правах человека и проч., и проч., и я говорю обо всем, тороплюсь, меня со всех сторон подгоняют, сердятся, я мечусь из стороны в сторону, как лисица, затравленная псами... и, в конце концов, чувствую, что я умею

писать только пейзаж, а во всем остальном я фальшив и фальшив до мозга костей».

Устами доктора Дорна Чехов говорит в пьесе, что «художественное произведение непременно должно выражать какую-нибудь большую мысль. Только то прекрасно, что серьезно». Но у Тригорина нет этой большой мысли, как нет и больших чувств. Он в сущности никого не любит. Его привязанность к Аркадиной обусловлена привычкой и слабоволием. Его безответственный поступок в отношении Нины Заречной объясняется отсутствием чувства долга и мелкостью его чувств. Он всегда идет по линии наименьшего сопротивления, хотя и чувствует фальшь своего положения. Он стыдится собственной славы, понимая, что она куплена не борьбой за большое искусство, а уступками мещанским вкусам его читателей. Удобное положение модного писателя он предпочел трудному пути служения великим целям. Его не волнуют споры о новых формах искусства. «Ведь всем хватит места, — говорит он, — и новым и старым, — зачем толкаться?»

Молодой писатель Константин Треплев, в противоположность Тригорину, еще не приобрел известности. «Кто я? Что я? — говорит он. — Вышел из третьего курса университета по обстоятельствам, как говорится, от редакции не зависящим, никаких талантов, денег ни гроша, а по паспорту я — киевский мещанин». Треплев страдает, мучится, хочет создать новые формы в литературе, новые приемы описания. Но во имя чего? «Вы должны знать, — говорит ему Дорн, — для чего пишете, иначе, если пойдете по этой живописной дороге без определенной цели, то вы заблудитесь и ваш талант погубит вас».

Константин Треплев любит Нину Заречную. Это чувство целиком поглощает его. Но Нина уходит от него к Тригорину, хотя тот и неспособен понять или оценить ее чувство. Потеря любимой женщины делает жизнь Треплева пустой, бессмысленной. «Я один, — признается он, — не согрет ничьей привязанностью, мне холодно, как в подземелье, и что бы я ни писал, все это сухо, черство, мрачно». Гипертрофия личного чувства приводит Треплева к разочарованию в жизни и самоубийству.

«Если бы вся цель нашей жизни состояла только в нашем личном счастье, а наше личное счастье заключалось только в одной любви, — писал еще В. Г. Белинский, — тогда жизнь была бы действительно мрачною пустыней, заваленною гробами и разбитыми сердцами, была бы адом, перед страшною сущностью которого побледнели бы поэтические образы земного ада, начертанные гением сурового Данте... Но... есть для человека и еще великий мир жизни, кроме внутреннего мира сердца, — мир исторического созерцания и общественной деятельности — тот великий мир, где мысль становится делом, а высокие чувствования — подвигом. Это мир непрерыв-

ной работы, нескончаемого дела и становления, мир вечной борьбы будущего с прошедшим»¹.

В жизни действующих лиц пьесы «Чайка» любовь занимает большое место. Маша любит Треплева, но не встречает сочувствия; Полина Андреевна вымаливает у доктора Дорна ласковое слово, приветливый взгляд; Аркадина цепко держит около себя Тригорина, не веря в силу его привязанности; Треплев жить не может без Нины Заречной, а та отдала себя с первого взгляда Тригору.

Из этого круга находят выход лишь те, у кого личное чувство не заглушило общественного долга, у кого ум и воля подчинены общественно полезной деятельности. Таков, например, доктор Дорн, который удовлетворен прожитой жизнью и спокойно встречает старость. Его прочно привязывает к жизни сознание своей полезности для людей. «Во мне, — говорит он, — любили главным образом превосходного врача. Лет 10—15 назад, вы помните, во всей губернии я был единственным порядочным акушером. Затем я всегда был честным человеком». Да, жизнь его была всегда полна, и любовь не опустошала ее, а гармонически дополняла и украшала!

Таков отчасти и Медведенко, который, несмотря на некоторую ограниченность, нужен и полезен людям. Он учитель, живет ему плохо, но он не падает духом, стремится к лучшему. Он любит Машу, страдает, видя ее любовь к Треплеву, но мужественно делает свое трудное дело, знает ему цену и с чувством собственного достоинства говорит о том, что следовало «описать бы в пьесе и потом сыграть на сцене, как живет наш брат-учитель». Внешне незаметный человек, Медведенко способен на большое, самоотверженное чувство, на непрерывный трудовой подвиг.

Не уходит от жизни, а борется и работает талантливая Нина Заречная. Любовь к Тригору не закрыла от нее того большого мира, «где мысль становится делом, а высокие чувствования — подвигом». От мелких забот, от ревности, от личной неудовлетворенности ее спасли театральная сцена, общественная деятельность. «Я уже настоящая актриса, — говорит она Треплеву, — я играю с наслаждением, с восторгом... с каждым днем растут мои душевные силы... и, когда я думаю о своем призвании, то не боюсь жизни».

Пьеса «Чайка» была необычным явлением для русского театра того времени. На казенной сцене шли пьесы, построенные по определенным шаблонам. Драматургам оставалось только комбинировать привычные театральные положения, изображать готовые типы «героев», «резонеров», «злодеев» и т. д.

Чехов решительно восстал против этой театральной рутины. Он поставил своей задачей вернуть сцене жизненную прав-

ду. На сцене все должно быть так, как в жизни. В первом действии «Чайки» действующие лица пьесы сидят на скамейке спиной к зрителям. И это уже было ново, неожиданно, выражало особый характер чеховских мизансцен, далеких от «театральности», зато близких к реальной жизни. Вещи на сцене оказывались как бы включенными в ход самой пьесы, сливались с ее внутренним, «подводным», как стали говорить, течением.

Точно так же по-новому Чехов включил в действие «Чайки» пейзаж (вид на озеро), который усиливал общее настроение пьесы, лишенной устаревшего театрального действия.

Кроме того, Чехов впервые применил для характеристики действующих лиц так называемые лейтмотивы. Для Нины Заречной таким лейтмотивом стала чайка, для Треплева — поиски новых форм в искусстве, для Тригорина — необходимость постоянно записывать удачные слова и сравнения, и т. д.

Идейная глубина пьесы, оригинальность и новизна ее формы не сразу были оценены зрителем. Поставленная 17 октября 1896 года на сцене Александринского театра в Петербурге, «Чайка» не имела успеха. Антон Павлович, присутствовавший в театре, не дождался конца представления.

Подлинным триумфом пьесы «Чайка» явилась ее постановка в 1898 году Московским Художественным театром, осуществленная К. С. Станиславским и В. И. Немировичем-Данченко.

XV

В 1897 году была опубликована другая пьеса А. П. Чехова — «Дядя Ваня». Эта пьеса имела большой успех, особенно на провинциальной сцене. В ноябре 1898 года в Нижнем-Новгороде эту пьесу смотрел А. М. Горький, писавший потом Чехову: «На-днях смотрел «Дядю Ваню», смотрел и плакал, как баба, хотя я человек далеко не нервный... Для меня — это страшная вещь, ваш «Дядя Ваня», это совершенно новый вид драматического искусства. В последнем акте «Дяди Вани», когда доктор, после долгой паузы, говорит о жаре в Африке, — я задрожал от восхищения перед вашим талантом и от страха за людей, за нашу бесцветную нищенскую жизнь»¹.

На это письмо Антон Павлович отвечал, что «Дядя Ваня» написан давно и что писать ему для театра больше «не хочется». А. М. Горький решительно запротестовал против этого. «Ваше письмо о том, что вам не хочется писать для театра, — заявил он, — заставляет меня сказать вам несколько слов о том, как понимающая вас публика относится к вашим пьесам. Говорят, например, что «Дядя Ваня» и «Чайка» — новый род

¹ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. XI. СПб., 1900, стр. 271—272.

¹ «Горький и Чехов», под ред. Балухатого, М., изд. АН СССР, 1937, стр. 10—11.

драматического искусства, в котором реализм возвышается до одухотворенного и глубоко продуманного символа. Я нахожу, что это очень верно говорят. Слушая вашу пьесу, думал я о жизни, принесенной в жертву идолу, о вторжении красоты в нищенскую жизнь людей и о многом другом коренном и важном. Другие драмы не отвлекают человека от реальностей до философских обобщений — ваши делают это»¹.

Герой пьесы «Дядя Ваня» — любимый Чеховым обыкновенный, ничем внешне не замечательный человек. Он самоотверженно трудится, ограничивая во всем свои потребности, чтобы дать возможность профессору Серебрякову успешно заниматься наукой. Таким же незаметным тружеником является его племянница Соня, дочь Серебрякова. В постоянном труде прошла вся жизнь дяди Вани, и слишком поздно узнает он, что самоотречение его было ненужным. Он восстает против своего ложного идола, но вернуть прожитую жизнь уже невозможно. Впереди у него остается лишь безрадостное существование.

Другой герой пьесы, доктор Астров, — человек смелой мысли, горячий патриот, который с болью в сердце видит, как хищнически капитализм разрушает богатства его родной земли. Астров неутомимо работает, но его не удовлетворяет та относительная польза, которую он приносит людям, в то время как болезни и страдания множатся от общих причин жизни, устранить которые он бессилён.

Доктор Астров не может без боли говорить о разорении народного хозяйства России. Волнуясь, он показывает своим собеседникам карту уезда, каким он был пятьдесят лет назад, и говорит: «Темно- и светлозеленая краска означает леса; половина всей площади занята лесом. Где по зелени положена красная сетка, там водились лоси, козы... Я показываю тут флору и фауну. На этом озере жили лебеди, гуси, утки и, как говорят старики, птицы всякой была сила, видимо-невидимо: носилась она тучей. Кроме сел и деревень, видите, там и сям разбросаны всякие выселки, хуторочки, раскольничьи скиты, водяные мельницы... Рогатого скота и лошадей было много. По голубой краске видно. Например, в этой волости голубая краска легла густо; тут были целые табуны, и на каждый двор приходилось по три лошади... Теперь посмотрим ниже. То, что было 25 лет назад. Тут уже под лесом только одна треть всей площади. Коз уже нет, но лоси еще есть. Зеленая и голубая краски уже бледнее. И так далее, и так далее. Переходим к третьей части: картина уезда в настоящем. Зеленая краска лежит кое-где, но не сплошь, а пятнами; исчезли и лоси, и лебеди, и глухари... От прежних выселков, хуторов, скитов, мельниц и

¹ «Горький и Чехов», под ред. Балухатого, М., изд. АН СССР, 1937, стр. 14.

следа нет. В общем картина постепенного и несомненного вырождения, которому, повидимому, остается еще каких-нибудь 10—15 лет, чтобы стать полным... Разрушено уже почти все; но взамен не создано еще ничего».

Беликий писатель с беспощадной правдой говорил о капиталистическом хищничестве, разорявшем без думы о завтрашнем дне природные богатства страны. Страшная картина вырождения, как следствия безудержной эксплуатации народа горстью ненасытных паразитов, с неотразимой силой вставала перед зрителями и читателями этой чеховской пьесы.

Но капитализм не только преступно расточал народное богатство страны, — он поработал все лучшие чувства людей, делая из них сухих, расчетливых, своекорыстных эгоистов. Вот, например, профессор Серебряков. Двадцать пять лет он занимался теорией искусства, ничего не понимая в искусстве. Он читал лекции, писал книги, получал за это деньги и считал себя чуть ли не гением. Он привык к всеобщему поклонению и принимал это как должное. Серебряков никого не любит, кроме себя. Вся жизнь его в основе своей фальшива, а потому бездарна и некрасива.

«В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли», — говорит Чехов устами доктора Астрова. Это положение является краеугольным камнем эстетики самого Чехова. Вот почему так беспощадно разоблачается в пьесе не только Серебряков, но и жена его Елена Андреевна. В сущности она такая же эгоистка, как и ее муж, «старый сухарь, ученая вобла». Оба они не нужны для дела жизни. Один только делает вид, что работает, другая ничего не делает и не хочет делать. «У нее нет никаких обязанностей, — говорит о ней Астров, — на нее работают другие... А праздная жизнь не может быть чистой».

Чистая, красивая жизнь невозможна там, где сами общественные условия враждебны ей. Поэтому необходимо бороться, чтобы изменить эти условия. Если же для борьбы не хватает сил или веры в успех, то положение умных, талантливых людей становится невыносимым, трагическим. Об этом говорит в конце пьесы Астров дяде Ване: «Во всем уезде было только два порядочных, интеллигентных человека: я да ты. Но в какие-нибудь десять лет жизнь обывательская, жизнь презренная затянула нас; она своими гнилыми испарениями отравила нашу кровь, и мы стали такими же пошляками, как все».

Пьеса Чехова поднимала большой вопрос об отношении к жизни, к труду, к обществу, решала важнейшие морально-этические проблемы своего времени.

В 1897 году А. П. Чеховым была написана повесть «Мужики», в которой писатель без всякого преувеличения, с подкупающей, хотя и суровой правдивостью показал, что предельная нищета, невыносимые страдания, взаимная, почти звериная же-

стокость, физическое вырождение стали неотъемлемыми чертами русской деревни конца XIX века. Развивавшийся в стране капитализм обрекал многомиллионное крестьянство на невежество, полную оторванность от умственных центров страны, и все увеличивал пропасть между городом и деревней.

Приехавшие из города в деревню Николай Чикильдеев, бывший лакей «Славянского базара», и его жена Ольга, бывшая горничная, уже не в состоянии примириться с ужасающей темнотой, первобытной дикостью и полной бесперспективностью окружающей их деревенской жизни. Они тоскуют в деревне, стремятся к более культурным человеческим отношениям, мечтают о возвращении в город.

В повести «Мужики» получили отражение наблюдения писателя над крестьянской жизнью, сделанные за годы его пребывания в Мелихове. По воспоминаниям В. Ладыженского, Антон Павлович даже показывал ему мелиховских крестьян, послуживших прототипами для действующих лиц повести¹.

Новая повесть Чехова возбудила страстную полемику между народниками и русскими марксистами. Народники обвиняли Чехова в намеренном сгущении красок, в неправильном освещении деревенской жизни. Марксистская критика, наоборот, видела в повести верную картину разложения деревни под влиянием растущих капиталистических отношений в стране.

Впечатление широких кругов передовой русской интеллигенции от этой повести А. П. Чехова превосходно выразил в своем письме к автору артист Московского Малого театра А. И. Сумбатов-Южин. «Ты себе, пожалуй, представить не можешь, — писал он Чехову, — что ты мне доставил своими «Мужиками». Я не народник ни в старом, ни в новом смысле. С точки зрения «убежденных» держусь, по чистой совести, того взгляда, что народу надо помочь научиться, как выбиться из его страшной нужды... Но твои «Мужики» — величайшее произведение в целом мире за многие последние годы, по крайней мере для русского человека... Удивительно высок и целен твой талант в «Мужиках»... И везде несравненный трагизм правды, неотразимая сила стихийного шекспировского рисунка, точно ты не писатель, а сама природа... Я все вижу без описаний, а фрак вернувшегося «в народ» лакея я вижу со всеми швами, как вижу бесповоротную гибель всех его, Чикильдеева, светлых надежд на жизнь в палатах «Славянского базара». Я никогда не плачу: когда он надел и затем уложил фрак, я дальше долго не мог читать».

В заключительной главе повести А. П. Чехов с присущей ему правдивостью сурово и скорбно сказал о том, что больше так жить нельзя, что никакие полумеры помочь не могут, что

¹ В. Ладыженский. Из воспоминаний об А. П. Чехове. В сб. «О Чехове». М., 1910, стр. 141.

жизнь народа зашла в тупик и виноват в этом весь общественный строй царской России. «Бывали такие часы и дни, — пишет Антон Павлович о мужиках, — когда казалось, что эти люди живут хуже скотов, жить с ними было страшно; они грубы, нечестны, грязны, не трезвы, живут несогласно, постоянно ссорятся, потому что не уважают, боятся и подозревают друг друга... но все же они люди, они страдают и плачут, как люди, и в жизни их нет ничего такого, чему нельзя было бы найти оправдания. Тяжкий труд, от которого по ночам болит все тело, жестокие зимы, скудные урожаи, теснота, а помощи нет и неоткуда ждать ее. Те, которые богаче и сильнее их, помочь не могут, так как сами грубы, не честны, не трезвы и сами бранятся так же отвратительно; самый мелкий чиновник или приказчик обходится с мужиками, как с бродягами... и думает, что имеет на это право. Да и может ли быть какая-нибудь помощь или добрый пример от людей корыстолюбивых, жадных, развратных, ленивых... которые наезжают в деревню только за тем, чтобы оскорбить, обобрать, напугать?»

XVI

В марте 1897 года Антон Павлович приехал из Мелихова в Москву, и здесь неожиданно во время обеда в ресторане «Эрмитаж» у него хлынула кровь горлом. Его отвезли в клинику Остроумова.

В клинике Антона Павловича впервые подвергли seriously медицинскому исследованию и установили поражение верхушек обоих легких. Положение оказалось тяжелым, процесс зашел уже далеко. Повидимому, Антон Павлович не ожидал этого. Раз как-то, когда он уже выздоравливал, к нему зашла сестра Мария Павловна. Чехов, не видя сестры, взволнованно ходил по комнате и говорил вполголоса: «Как это я мог прозевать у себя притупление?»

Раньше он отделялся шутками, когда говорили о его кровохарканье, но теперь пришлось признать себя больным туберкулезом и вспомнить о судьбе брата Николая. Осенью этого года Чехов по совету врачей уехал во Францию, сначала в Биарриц, затем в Ниццу, где прожил до весны 1898 года.

Несмотря на тяжелую болезнь, Антон Павлович живо интересуется событиями, происходящими на родине и во всем мире. Он полностью прерывает отношения с реакционной газетой «Новое время» и охладевает к А. С. Суворину. Поводом для этого явилось отношение суворинской газеты к делу французского офицера Дрейфуса, несправедливо обвиненного в государственной измене.

Дальнейший подъем революционно-освободительного движения в России не мог не отразиться в творчестве писателя, которое в 1898 году было интенсивно и плодотворно, несмотря на

ухудшение его здоровья. Один за другим появились в печати такие его рассказы, как «Человек в футляре», «Крыжовник», «Ионыч», «Случай из практики» и другие.

В рассказе «Человек в футляре» Чехов создал бессмертный тип обывателя, боящегося всего нового, целиком погрязшего в болоте серой мещанской жизни. Беликов — это страшная сила косности, тупости, которая душит все проблески живой жизни. Беликов — это воплощение мертвечины, черствости, формализма, духовного рабства. Он враг свободной жизни. Смерти Беликова радуется весь город. Но Чехов предупреждает читателя, что радоваться еще рано. «Прошло не более недели, и жизнь потекла попрежнему, такая же суровая, утомительная, бестолковая жизнь, не запрещенная циркулярно, но и не разрешенная вполне; не стало лучше. И в самом деле, Беликова похоронили, а сколько еще таких человек в футляре осталось»...

Беликов — типический характер, порожденный типическими обстоятельствами, его образ вырастает в рассказе в злоеущий символ нечеловеческих общественных отношений, когда вся жизнь строилась на лжи и страхе. Гневным призывом к протесту, к разрушению этой жизни заканчивался рассказ Чехова. «Сносить обиды, унижения, не смея открыто заявить, что ты на стороне честных, свободных людей, и самому лгать, улыбаться, и все это из-за куска хлеба, из-за теплого угла, из-за какого-нибудь чинишки, которому грош цена, — нет, больше жить так невозможно!»

Конец 90-х годов прошлого века В. И. Ленин характеризовал так: «Подъем масс шел и ширился непрерывно и преемственно, не только не прекращаясь там, где он начался, но и захватывая новые местности и новые слои населения (под влиянием рабочего движения оживилось брожение учащейся молодежи, интеллигенции вообще, даже и крестьянства)»¹.

В эти годы А. П. Чехов выступает как непримиримый критик капитализма. В рассказе «Крыжовник» он разоблачает узко-собственническую мораль «хозяев»-собственников, считающих хорошим только то, что принадлежит им. Владелец усадьбы Чимша-Гималайский ест «свой» кислый, недозревший крыжовник, который кажется ему лучшим в мире, и приговаривает: «Ах, как вкусно!»

Ограниченным собственническим взглядам А. П. Чехов противопоставляет другие, смелые, согласно которым «человеку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шар, вся природа, где на просторе он мог бы проявить все свойства и особенности своего свободного духа».

Но пока этого нет, в жизни господствуют «наглость и праздность сильных, невежество и скотоподобие слабых, кругом бедность невозможная, теснота, вырождение, пьянство, лицемерие,

вранье». И в этом рассказе А. П. Чеховым вновь ставится вопрос о вырождении и физической гибели народа, если не будет изменен в корне существующий общественный порядок. Писателя возмущают обывательское спокойствие и молчание. «Из пятидесяти тысяч, живущих в городе, — гневно восклицает он, — ни одного, который бы вскрикнул, громко возмущился... Все тихо, спокойно, и протестует только одна статистика: столько-то с ума сошло, столько-то ведер выпито, столько-то детей погибло от недоедания». Для Чехова уже ясно, что только движение масс может разрушить этот несправедливый строй жизни, что «счастливые чувствуют себя хорошо только потому, что несчастные несут свое бремя молча, и без этого молчания счастье было бы невозможно».

В другом рассказе — «Случай из практики» — Антон Павлович еще резче выступает с разоблачением капитализма. Герой рассказа доктор Королев приезжает на фабрику лечить дочь владелицы фабрики. Он видит пять корпусов, в которых «тысячи полторы-две фабричных работают без отдыха, в нездоровой обстановке, делая плохой ситец, живут впроголодь и только изредка в кабаке отрезвляются от этого кошмара; сотня людей надзирает за работой, и только двое-трое, так называемые хозяева, пользуются выгодой, хотя совсем не работают и презирают плохой ситец».

Королев понимает, что болезнь дочери владелицы фабрики не физическая, а нравственная. Ей страшно от беспокойства, она чувствует, что этот несправедливый порядок вещей не может быть прочным, что уже надвигается неизбежная катастрофа. И сама фабрика представляется ей каким-то страшным дьяволом, угрожающим ее жизни. Доктору «было ясно, что ей нужно поскорее оставить пять корпусов и миллион, если он у нее есть, оставить этого дьявола, который по ночам смотрит; для него было ясно также, что так думала и она сама и только ждала, чтобы кто-нибудь, кому она верит, подтвердил это».

И он сказал то, что хотел, не прямо, а окольным путем:

«Вы в положении владелицы фабрики и богатой наследницы недовольны, не верите в свое право и теперь вот не спите, это, конечно, лучше, чем если бы вы были довольны, крепко спали и думали, что все обстоит благополучно... А для наших детей или внуков вопрос этот, — правы они, или нет, — будет уже решен... Хорошая будет жизнь лет через пятьдесят, жаль только, что мы не дотянем. Интересно было бы взглянуть».

Все сильнее звучит в творчестве А. П. Чехова уверенность в близком наступлении хорошей, счастливой жизни людей, и все сильнее становится горечь сожаления о том, что он сам до этой жизни «не дотянет». Но это ничуть не ослабляет его страстного призыва к читателям неутомимо работать для приближения светлого, радостного будущего, когда воплотится его

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 367.

заветная мечта о том, что «в человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли».

А между тем болезнь его все прогрессировала, он, как врач, понимал безнадежность своего положения, иногда у него вырывались тяжелые признания: «Я не живу, я засыпаю, или все ухажу, ухажу куда-то без остановки, бесповоротно, как воздушный шар». И он спешил, пока еще мог, своим творческим трудом, своим вдохновенным словом писателя участвовать в торжестве новой жизни.

По настоянию врачей Антон Павлович должен был переехать на постоянное жительство в Крым. В конце 1898 года умер отец писателя, Павел Егорович. Мелихово пришлось продать. В Ялте Антон Павлович купил участок земли, на котором была построена для него архитектором Шехтелем та знаменитая «белая дача», которую знает теперь каждый, побывавший на южном берегу Крыма.

XVII

Последний год XIX столетия был для А. П. Чехова особенно памятным. Весной 1900 года в Ялте собрались крупнейшие русские писатели того времени: А. М. Горький, А. И. Куприн, И. А. Бунин, К. М. Станюкович, Д. Н. Мамин-Сибиряк и другие. Тогда же в Ялту специально для Антона Павловича приехал Московский Художественный театр во главе со Станиславским и Немировичем-Данченко.

Писатели и артисты ежедневно собирались на «белой даче», где на террасе, обращенной к морю, велись нескончаемые разговоры о русской жизни и о русском искусстве. В эту весну Антон Павлович сблизился с артисткой Художественного театра Ольгой Леонардовной Книппер. Свадьба их состоялась на год позже, в 1901 году.

В 1900 году Академия наук избрала почетными академиками трех выдающихся русских писателей: Л. Н. Толстого, А. П. Чехова и В. Г. Короленко. В этом же году в журнале «Жизнь» была напечатана новая повесть Чехова — «В овраге». Действующими лицами повести были: деревенский кулак Цыбукин, грабитель и мошенник, его сын, агент сыскной полиции, другой сын, глухой и глупый, жена Цыбукина, добрая, но ограниченная женщина, его сноха, плотник Костыль и многие другие. «Все эти люди — писал А. М. Горький, — хорошие и дурные, живут в рассказе Чехова именно так, как они живут в действительности. Страшная сила его таланта именно в том, что он *никогда ничего не выдумывает от себя*, не изображает того, «чего нет на свете», но что быть может, и хорошо, может быть и желательно»¹.

В этой повести Чехов дал глубокое изображение русской деревни, ее классового расслоения, показал рост капитализма, беспощадно и цинично шествующего по костям тружеников, не останавливаясь ни перед преступлением, ни перед убийством. Недаром жена хищника Цыбукина в смутной тревоге признается своему сыну: «Уж очень народ обижен. Сердце мое болит, дружок, обижаем как — и боже мой!»

Под впечатлением от чтения повести «В овраге» А. М. Горький писал А. П. Чехову: «Это будет одна из лучших Ваших вещей. И Вы все лучше пишете, все сильнее, все красивее. Уж как хотите — не сказать Вам этого — не могу». Ту же мысль А. М. Горький выразил и в статье своей о повести «В овраге»: «...каждый новый рассказ Чехова все усиливает одну глубоко ценную и нужную для нас ноту — ноту бодрости и любви к жизни»¹.

Каждое новое произведение А. П. Чехова с нетерпением ожидалось всей мыслящей Россией. Силу и бодрость вливалось оно в тех, кто не мирился с хмурой, серой российской действительностью того времени, кто боролся за будущую справедливую, разумную жизнь, о которой все настойчивее и чаще говорили теперь герои произведений А. П. Чехова.

Зиму 1901—1902 года в Крыму, недалеко от Ялты, жил Л. Н. Толстой, перенесший перед этим тяжелое воспаление легких. А. П. Чехов вместе с А. М. Горьким часто навещал гениального писателя. Лев Толстой очень любил Чехова и, по словам Горького, «всегда, глядя на него, точно гладил лицо А. П. — взглядом своим, почти нежным в эту минуту».

А. М. Горький относился к Антону Павловичу с благоговейным чувством любви и восхищения. Горький говорил, что он не видел «человека, который чувствовал бы значение труда, как основания культуры, так глубоко и всесторонне, как Антон Павлович». Именно Чехову принадлежат прекрасные слова, сохранившиеся в воспоминаниях Горького: «Если б каждый человек на куске земли своей сделал бы все, что он может, как прекрасна была бы земля наша».

В 1901 году в Московском Художественном театре была впервые поставлена пьеса Чехова «Три сестры», один из героев которой произносит слова, прозвучавшие тогда, как пророчество: «Пришло время, надвигается на всех нас громада, готовится здоровая, сильная буря, которая идет, уже близка и скоро сдует с нашего общества лень, равнодушие, предубеждение к труду, гнилую скуку... через какие-нибудь двадцать пять — тридцать лет работать уже будет каждый человек».

В новой пьесе А. П. Чехова с еще большей силой, чем в «Дяде Ване», затрагивался вопрос о подлинной красоте в жизни. Три сестры — героини пьесы — стремятся к творческому тру-

¹ М. Горький. Собр. соч., т. 23. М., Гослитиздат, 1953, стр. 314.

¹ М. Горький. Соч., т. 23. М., Гослитиздат, 1953, стр. 317.

ду, необходимому для каждого человека. Они изящны, чисты, достойны настоящего человеческого счастья, но их окружает пошлая, бездарная, грубая жизнь. Мелкие хищники, отвратительные себялюбцы типа Наталии Ивановны, эти «шершавые животные», топчут все светлое и благородное в жизни, они мертвой хваткой душат лучшие человеческие порывы, сталкивают со своего пути великодушных, доверчивых людей.

Чехов показывает в пьесе, что одни прекрасные мечты, одни возвышенные слова недостаточны для того, чтобы уничтожить зло жизни. Как бы ни сочувствовал зритель или читатель пьесы сестрам Прозоровым, он не мог не видеть их обреченность, их бессилие, их неспособность бороться за лучшее будущее.

А без борьбы нет жизни. Вот почему люди, оторванные от реальной действительности, от общественных интересов, могут превратиться в умные ненужности и прийти к такому грустному признанию, к какому приходит в пьесе доктор Чебутыкин: «Нас нет, ничего нет на свете, мы не существуем, а только кажется, что существуем».

Так жить дальше нельзя! — эта мысль является лейтмотивом замечательной чеховской пьесы.

В стране происходил общественный подъем. 4 марта 1901 года в Петербурге состоялась студенческая демонстрация. В таких условиях новая пьеса Чехова должна была восприниматься как пьеса о конце старой жизни и страстное предчувствие близкой социальной революции. Поэтому так отвратительны кажутся в пьесе такие люди, как Андрей, его жена Наташа, Протопопов и другие, олицетворяющие собой душную мещанскую жизнь, принадлежащую прошлому, и так прекрасны сестры Прозоровы, Вершинин и Тузенбах, устремленные всем существом своим к будущему.

Но это радостное предчувствие близкой освежающей бури, пронизывающее всю пьесу и придающее ей оптимистический характер, не сразу было понято ее первыми постановщиками. К. С. Станиславский рассказывает, что Чехов был недоволен трактовкой пьесы Художественным театром и после чтения «Трех сестер», рассердившись, ушел из театра. «Я бросился к Чехову на квартиру, — пишет Станиславский, — и застал его не только расстроенным и огорченным, но и сердитым, каким он редко бывал. Оказывается, что драматург был уверен, что он написал веселую комедию, а на чтении все приняли пьесу, как драму, и плакали, слушая ее».

Конечно, «Три сестры» — не «веселая комедия». Чехов прекрасно понимал, что крушение старого мира отнюдь не «смешная вещь». Но он протестовал против того, чтобы в интерпретации пьесы Художественным театром жалость к жертвам и человеческому страданию, неизбежным при всяком социальном перевороте, заслоняла общее мажорное звучание пьесы как гимна в честь приближающейся очистительной бури.

Лучше всех оценил значение новой пьесы Чехова «буревестник» русской революции А. М. Горький, писавший Антону Павловичу: «Три сестры» идут изумительно! Лучше «Дяди Вани». Музыка, не игра». В конце концов остался доволен постановкой и сам автор. Уже из Ялты он с удовлетворением признавался: «Мои «Три сестры» идут чудесно».

В 1902 году Антон Павлович выступил с открытым протестом против самодурства царских властей. Дело в том, что в феврале этого года Академия наук избрала почетным академиком А. М. Горького. Николай II, узнав об этом, потребовал отмены этого решения. Президентом Академии наук был тогда великий князь Константин Константинович, который поспешил от имени академии напечатать официальное извещение о том, что выборы Горького являются недействительными. Против этого возмутительного произвола выступили два писателя: Чехов и Короленко, сложившие с себя в знак протеста звание почетных академиков.

Общественный подъем кануна первой русской революции 1905 года все сильнее захватывал Чехова. В 1903 году он пишет рассказ «Невеста», в котором говорит о чудесной русской девушке, видевшей в окружающей ее буржуазно-мещанской жизни «одну только пошлость, глупую, наивную, невыносимую пошлость». В сознании девушки запечатлелись услышанные правдивые и пророческие слова: «От вашего города мало-помалу не останется камня на камне, — все полетит вверх дном, все изменится, точно по волшебству, и будут тогда здесь громадные великолепнейшие дома, чудесные сады, фонтаны необыкновенные, замечательные люди». Девушка уходит от своего жениха, символизирующего буржуазное самодовольство и ограниченность, в работу над осуществлением мечты о новых городах и чудесных садах на земле. Она становится «невестой» революции, надвигающейся на великую страну.

Писатель В. В. Вересаев рассказывает в своих воспоминаниях о Чехове: «У Горького мы читали новый рассказ Чехова «Невеста»... Антон Павлович спросил: «Ну что, как вам рассказ?» Я помялся, но решил высказаться откровенно: «Антон Павлович, не так девушки уходят в революцию»... Глаза его взглянули с суровой настороженностью: «Туда разные бывают пути»¹.

А. П. Чехов хорошо знал, что в революцию бывают разные пути. Он сам шел к ней своей особой дорогой великого русского писателя, всей душой болеющего за свой народ. Он теперь твердо знал и об этом во всеуслышание заявлял в своем предсмертном рассказе, что «главное — перевернуть жизнь, а все остальное — не нужно». Действительно, в те годы задача стояла

¹ Журн. «Красная панорама», 1929, № 28. «А. П. Чехов и встречи с ним».

именно так. «Все остальное» тогда только мешало делать «главное».

Уходили последние силы больного писателя, но творческая мысль его горела ярким огнем, думы о родине, о будущем волновали его со все возрастающей силой. В конце 1903 года он закончил работу над пьесой «Вишневый сад», ставшей его лебединой песнью.

Действующие лица «Вишневого сада» — это представители России прошлой, настоящей и будущей. К прошлому принадлежат Раневская, Гаев, Симеонов-Пищик, Фирс — вся помещичье-крепостная, дворянская Россия. Их историческая обреченность настолько ясна, что автор невольно жалеет их, внося лирическую струю в свою пьесу, которую он намеренно назвал комедией.

Настоящее капиталистической России представляет Лопухин. Он хищник, «который съедает все, что попадает к нему по пути». Чудесный «Вишневый сад», символизирующий собой культуру и труд многих поколений русских людей, достался Лопухину. Что же сделает с ним этот новый хозяин? Он не скрывает своих намерений и с торжеством объявляет: «Приходите все смотреть, как Ермолай Лопухин хватит топором по вишневому саду, как упадут на землю деревья! Настроим мы дач, и наши внуки и правнуки увидят тут новую жизнь».

Новая жизнь, о которой мечтает Лопухин, — это буржуазная, торгашеская жизнь, основанная на денежном расчете, на барыше и выгоде. Эта «лопухинская» жизнь ведет к уничтожению подлинных культурных ценностей и замене их коммерческими «дачными» постройками. Чехов не допускает мысли, что торжество «лопухиных» на русской земле может быть прочным.

Будущее принадлежит другим людям, тем, которые знают, что им нужен не один этот вишневый сад, а вся великая родная земля. «Вся Россия — наш сад», — уверенно говорит Трофимов. И в полном согласии с ним Аня повторяет: «Мы насадим новый сад, роскошнее этого». Люди будущего в пьесе А. П. Чехова идут по дороге к новым, светлым дням. Пафос их борьбы — в созидании, в творчестве новых форм жизни, близость которых они уже ощущают. «Я предчувствую счастье, Аня, — радостно восклицает Трофимов, — я уже вижу его... Вот оно, счастье, вот оно идет, подходит все ближе и ближе, я уже слышу его шаги»...

Лейтмотивом всей пьесы «Вишневый сад» являются торжествующие слова юной Ани: «Здравствуй, новая жизнь!». Этими волнующими, радостными словами прощался А. П. Чехов накануне своей смерти со своими читателями, со своей родиной, которую он так беззаветно любил.

Подобно предшествующей его пьесе «Три сестры» «Вишневый сад» был полон жизнеутверждающего оптимизма, уверенности в близком торжестве новой, счастливой жизни. Поэтому Чехов был удивлен и возмущен, когда узнал от В. И. Немиро-

вича-Данченко, что при исполнении его пьесы артистами Художественного театра было «много плачущих». «Где они? — с недоумением спрашивал он. — Только одна Варя, но это потому, что Варя плакса по натуре и слезы ее не должны возбуждать в зрителе унылого чувства. Часто у меня встречается «сквозь слезы», но это показывает только настроение лиц, а не слезы».

Премьера «Вишневого сада» была назначена на 17 января 1904 года. Это как раз был день рождения писателя. Таким образом, премьера последней пьесы Антона Павловича совпала с общественным чествованием его дня рождения и двадцатипятилетия литературной деятельности. Антон Павлович был в это время в Москве, но по нездоровью на премьере не присутствовал. По настоянию публики за ним поехали и привезли в театр. Когда кончилось третье действие пьесы, началось чествование великого русского писателя, который стоял на сцене без кроvinки в лице и тщетно пытался унять мучивший его кашель. Для присутствующих стало ясно, что они прощаются с Чеховым навсегда. И хотя юбилей вышел торжественным, но оставил крайне тяжелое впечатление.

Облик великого художника останется незавершенным, если не остановиться на изумительном языке его.

Чехов — великий художник русского слова. Он в совершенстве владел не только всем богатством литературной речи, но превосходно знал и жаргон любой профессии. Вспомним, какое знание специальных морских терминов обнаруживает он в «Свадьбе», характеризуя речь отставного капитана Ревунова-Караулова. Слово сам Антон Павлович служил во флоте подобно замечательному русскому маринисту К. Станюковичу.

А вот лексика приказчика из рассказа «Полинька»: гарнитурчик, стеклярусные бомбошки, плюмаж из птичьего пера цвета канак, кофточки джерсе, сутажет, ленты с пике, атлас с муаром. Особенно тонко передавал А. П. Чехов своеобразие детской речи: «я тебе зададу», «мне стало так неприлично», «кошка ошенилась», «щенята, похожие на мышов». Только художник, глубоко любящий свой народ и язык, мог так чутко вслушиваться в родную речь и передавать несколькими словами психологию и характер любого персонажа своих произведений.

Пренебрежением к языку, нечутким отношением к слову Чехов клеймил тех людей, внутренний мир которых ему был чужд и враждебен. Высокопоставленный чиновник у него говорит, глядя на красивый пейзаж: «Какое чудесное отправление природы». Мещански настроенная девица пишет своим знакомым: «Мы будем жить невыносимо близко от вас».

Нельзя пройти мимо замечательно выразительных чеховских фамилий, заключающих в одном слове характеристику всего человека: Пустяков, Мзда, Ахинея, француз Падекуа, Карл Кремертартарлау, мадам Гнусик и многие другие.

Художественный лаконизм чеховского стиля стал новым блестящим завоеванием русской литературы. Соединяя самые простые и в то же время разнородные понятия, Чехов достигал замечательной остроты и полноты впечатления. В рассказе «Двое в одном» он говорит о лице героя: «Оно кисло и жалко; глядя на него, хочется пить «Лучинушку» и нить». В рассказе «Анна на шее» он, описывая наружность чиновника, сравнивает его щеки с желе, а подбородок с голой пяткой.

О том, как надо писать, чтобы минимальными средствами достичь наибольших результатов, он говорит в письме к брату Александру: «У тебя получится лунная ночь, если ты напишешь, что на мельничной плотине яркой звездочкой мелькала стекляшка от разбитой бутылки и покатила шаром тень собаки или волка». Сам Антон Павлович писал именно так и приведенный пример использовал в собственных произведениях.

Несравненный мастер русского слова, А. П. Чехов в наше время получил полное признание. Он занял по праву свое место в истории русской литературы в одном ряду с такими гигантами, как Пушкин, Гоголь, Тургенев, Лев Толстой и М. Горький. Его произведения переизданы и переиздаются у нас миллионными тиражами. Советский народ не перестает восхищаться глубоким идейным содержанием и несравненным богатством языка его произведений. Чехов — слава и гордость нашего народа.

XVIII

В середине февраля Антон Павлович вернулся из Москвы в Ялту. В это время уже началась русско-японская война, и писатель напряженно следил за развивающимися событиями. Он хотел даже ехать на Дальний Восток в качестве врача.

Но здоровье все ухудшалось. Ему было настолько плохо, что лечащий врач настоял на отъезде Антона Павловича в Баденвейлер — немецкий курорт близ швейцарской границы. В Баденвейлере Антон Павлович все время тосковал по родине, он уверял всех, что ему стало лучше и он может вернуться домой. «Здоровье, — писал он в письмах на родину, — входит в меня не золотниками, а пудами». Он даже разработал маршрут возвращения в Ялту морем на пароходе через Триест.

Но 29 июня у Антона Павловича внезапно произошел резкий упадок сердечной деятельности. 30 июня припадок повторился с удвоенной силой. Стало ясно, что дни Чехова сочтены.

В ночь с 1 на 2 июля (с 14 на 15 июля по новому стилю) 1904 года в Баденвейлере скончался Антон Павлович Чехов.

Тело Чехова было перевезено в Москву. Хоронили писателя 9 июля (22 июля по новому стилю) на Новодевичьем кладбище.

«Когда умрет Чехов, — писал А. М. Горький в 1900 году, —

умрет один из лучших друзей России, друг умный, беспристрастный, правдивый, — друг, любящий ее, сострадающий ей во всем, и Россия вся дрогнет от горя и долго не забудет его, долго будет учиться понимать жизнь по его писаниям, освещенным грустной улыбкой любящего сердца»¹.

Наша Родина никогда не забудет своего великого сына. Никогда не перестанут советские люди читать Чехова и учиться понимать жизнь по его бессмертным произведениям. Чехов, вместе с Горьким, Пушкиным и Львом Толстым, стал неумирающей славой великой русской нации.

А. П. Чехов был одним из любимейших писателей Владимира Ильича Ленина. Владимир Ильич высоко оценил повесть Чехова «Палата № 6». Из воспоминаний Н. К. Крупской известно, что Ленину очень понравилась пьеса «Дядя Ваня». И. В. Сталин в годы Великой Отечественной войны назвал имя Чехова в ряду славных имен, которыми по праву гордится наша великая Родина.

Ленин и Сталин не раз обращались к образам Чехова в борьбе против врагов нашей страны. Образ учителя географии из рассказа «Учитель словесности», образ «душечки» из рассказа того же названия и, наконец, образ учителя Беликова послужили Ленину острым оружием для обличения людей, мешавших победоносному движению нашей родины к светлому будущему, к коммунизму. О них гневно сказал Владимир Ильич: «...жалкие человеки в футляре, которые все время стояли далеко в стороне от жизни...»².

Образ Беликова был использован И. В. Сталиным (в заключительном слове по политическому отчету ЦК XVI съезду ВКП(б), для разоблачения подлых агентов империализма, врагов революции, испытывавших тревогу, растерянность, страх перед победоносным строительством социализма в СССР. «Они болеют той же болезнью, — говорил Сталин, — которой болел известный чеховский герой Беликов, учитель греческого языка, «человек в футляре»... Он боялся, как чумы, всего нового, всего того, что выходит из обычного круга серой обывательской жизни»³.

В 1935 году наша страна отмечала 75-летие со дня рождения А. П. Чехова. В связи с этим Н. К. Крупская писала: «Наша родина богата замечательными художниками слова, умевшими в живых образах показать жизнь, как она есть. Таким художником слова был и Антон Павлович Чехов. У них учились наши революционеры вглядываться в жизнь, в людей, в их поступки, учились замечать и ненавидеть пошлость, глупость, лицемерие, фразерство, бездушие, бюрократизм и пр.,

¹ М. Горький, Собр. соч., т. 23. М., Гослитиздат, 1953, стр. 314—315.

² В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 430—431.

³ И. В. Сталин. Соч., т. 13, стр. 13.

учились ценить в людях самых незаметных, затертых жизнью, их стремление к светлому будущему, их убежденность, талант, энергию, героизм... Рабочие, работницы, домохозяйки, молодежь наша, просвещенцы, советская интеллигенция хотят сделать жизнь культурной, радостной, полной ярких переживаний, глубоко коллективной... В жизни, в быту, в человеческих отношениях еще много пережитков старого. Чтобы их изжить, надо научиться их замечать. Этому хорошо можно учиться у Антона Павловича. Ставим мы ему памятник, но самым лучшим памятником будет изжитие до конца пережитков прошлого, самым лучшим памятником будет новый тип людей-коллективистов, которых мы должны заботливо растить»¹.

15 июля 1953 года в Ялте поставлен в приморском парке бронзовый памятник писателю с простой лаконичной надписью: «А. П. Чехову». Антон Павлович изображен сидящим на скамье, в руке у него записная книжка, а взгляд устремлен вдаль, в будущее, как это было и при жизни Чехова.

Прошло пятьдесят лет со дня смерти А. П. Чехова. Его творчество выдержало испытание временем. На всех языках народов Советского Союза миллионными тиражами издаются его бессмертные книги. В странах народной демократии, в Народной Китайской Республике знают и любят произведения Чехова. Советские писатели и все прогрессивные писатели мира учатся у великого русского писателя мастерству художественного воспроизведения жизни, умению показывать богатство и многообразие действительности в конкретных проявлениях, в запоминающихся типических образах.

В Москве и Ленинграде, в областных и районных центрах, в театрах самодеятельности, — повсюду в нашей стране ставятся на сцене пьесы А. П. Чехова, волнуя и увлекая тысячи советских зрителей. Но не только в нашей стране, — за рубежом, во всех прогрессивных театрах мира можно увидеть исполнение чеховских пьес, зовущих к борьбе против косности, рутины, праздности, равнодушия к людям, самодовольства, пошлости.

В годы Великой Отечественной войны советского народа с темными силами фашизма мудрые слова Чехова, его вера в светлое будущее, в победу разума и света вдохновляли миллионы советских граждан и всех прогрессивных людей мира на самоотверженную борьбу для достижения полной победы. В дневнике Зои Космодемьянской были записаны бессмертные чеховские слова о том, что «В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли».

По призыву Всемирного Совета Мира передовые люди всех стран отмечают в текущем году память великого русского писа-

теля-гуманиста, неутомимого борца против всяческого насилия, лжи и капиталистического рабства, творчество которого и в наши дни продолжает освещать путь к лучшему будущему, сплачивая всех честных людей земного шара в борьбе с хищниками империализма.

¹ Цит. по книге Л. П. Громова «Этюды о Чехове». Ростиздат, 1951, стр. 106.

МЕТОДИЧЕСКИЕ СОВЕТЫ ЛЕКТОРУ

Материал для лектора на тему «А. П. Чехов» предназначен для проведения лекции продолжительностью 1 час 30 минут — 1 час 45 минут.

Можно рекомендовать следующий примерный план лекции.

А. П. Чехов — великий русский писатель-реалист конца XIX века.

В начале лекции необходимо дать характеристику общественно-политической и литературной обстановки 80-х годов прошлого века, когда А. П. Чехов начинал свою литературную деятельность. Затем лектору следует коротко остановиться на детских и отроческих годах жизни писателя и после этого перейти к изложению фактов первого периода творчества А. П. Чехова. В лекции нужно указать, что Чехов сотрудничал в юмористических журналах («Осколки», «Стрекоза», «Будильник» и др.), что привело его к созданию нового типа короткого рассказа, насыщенного острым социальным содержанием. В отличие от беспринципных юмористов того времени А. П. Чехов критиковал самодержавно-политический режим, буржуазно-мещанскую мораль, карьеризм, подхалимство, взяточничество, бескультурье, пошлость, обывательщину, капиталистическое хищничество (рассказы «Хамелеон», «Унтер Пришибеев», «Смерть чиновника», «Дочь Альбиона» и другие).

В лекции необходимо показать также своеобразие художественного мастерства писателя: максимальную концентрацию в рассказах жизненных противоречий, резкие, отчетливые противопоставления общественных типов, широкие обобщения при условии предельно сжатого сюжета.

Рассказывая о втором периоде творчества, лектор должен показать возросшее чувство ответственности у А. П. Чехова за свою работу писателя. В связи с этим следует остановиться на углублении реализма и усилении художественного обобщения в произведениях Чехова этого периода. Следует показать многосторонность и полноту художественного отражения различных

групп русского общества в произведениях писателя. Лектор должен подчеркнуть значение повести «Степь» и раскрыть ее значение как гимна родине, жизни, русской природе.

Переходя далее к теме изображения русской дореволюционной деревни, ее классового расслоения, обреченности и вымирания в условиях капитализма, лектор должен раскрыть значение повестей «Мужики» и «В овраге» в связи с борьбой того времени между марксистами и либеральными народниками.

В лекции необходимо остановиться также на характеристике либеральной и реакционной интеллигенции в рассказах А. П. Чехова. Лектор должен сказать о критике ограниченности, косности, эгоизма, о внутренней опустошенности и пошлости в таких рассказах, как «Человек в футляре», «Крыжовник» и другие. Большое значение в развитии творчества А. П. Чехова имеет повесть «Скучная история». Лектору необходимо раскрыть ее идейный смысл, показать, как ставится в ней автором вопрос о необходимости для каждого человека «общей идеи» в жизни.

Важнейшей темой в лекции о творчестве А. П. Чехова является тема разоблачения капитализма и самодержавно-полицейского режима в произведениях писателя. Для этого лектор должен остановиться на книге Чехова «Остров Сахалин» и на таких повестях, как «Три года» и «Случай из практики». Завершить эту тему лектор должен анализом знаменитой чеховской повести «Палата № 6».

В лекции необходимо также остановиться на критике Чеховым либерально-народнических иллюзий, теории «малых дел», буржуазной ограниченности, пассивности и толстовского учения о «непротивлении» в повестях «Дом с мезонином», «Моя жизнь» и других.

Переходя к творчеству А. П. Чехова конца 90-х годов и кануна первой русской революции 1905 года, лектор должен подчеркнуть появление в произведениях писателя твердой уверенности в обреченности старого мира неправды и зла и в близости торжества новой, лучшей жизни. С этой целью необходимо проанализировать рассказ 1903 года «Невеста».

В заключительном разделе лекции лектор должен остановиться на драматургии писателя, показать ее идейную глубину и художественное новаторство: лиризм, внутреннюю коллизию, отсутствие сюжетности в обычном понимании, наличие «подводного течения» — не выраженного словами настроения, угадываемого зрителями.

Анализ содержания драматургии А. П. Чехова следует начать с «Чайки», как программного произведения драматурга. Затем лектор должен остановиться на пьесах «Дядя Ваня», «Три сестры» и «Вишневый сад».

Следует подчеркнуть общую демократическую направленность всего творчества писателя, показать прогрессивность его

мечты о лучшем будущем, его глубокую уверенность в наступлении счастливой жизни.

Необходимо хотя бы коротко остановиться на языковом мастерстве писателя, показать, что простота, лаконичность, выразительность его речи являются дальнейшим развитием традиций великой русской реалистической литературы XIX века.

Отмечая великие заслуги А. П. Чехова как обличителя буржуазно-мещанского строя жизни, лектор должен сказать также о слабой стороне общественно-политических взглядов писателя, не увидевшего в современной ему России революционной роли рабочего класса, призванного историей к великому делу построения нового, социалистического общества. Поэтому А. П. Чехов не отразил в своем творчестве образов рабочих-революционеров, о которых впервые заговорил в русской художественной литературе младший современник Чехова — величайший пролетарский писатель А. М. Горький.

А. П. ЧЕХОВ

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА *

1860. 29(17) января А. П. Чехов родился в г. Таганроге.
1869. Антон Павлович поступает в таганрогскую мужскую гимназию.
1876. Переезд семьи Чеховых в Москву после продажи дома с аукциона. Антон Павлович остается один в Таганроге.
1877. Поездка А. П. Чехова в декабре в Москву. Посылки из Таганрога брату Александру мелких заметок для московских юмористических журналов. Работа над драмой «Безотцовщина».
1879. Окончание гимназии. Переезд в Москву. Чехов поступает на медицинский факультет Московского университета.
1880. В «Стрекозе» № 10 напечатано первое произведение А. П. Чехова — «Письмо к ученому соседу».
1881. Сотрудничество А. П. Чехова в журналах «Стрекоза», «Зритель», «Будильник».
1882. Сотрудничество Антона Павловича в «Будильнике», в «Мирском толке», «Свет и тени», начало работы в «Осколках».
1883. Подготовлен сборник рассказов «На досуге». Сборник остался непечатанным из-за неуплаты расходов по печатанию.
1884. Выход первого сборника «Сказки Мельпомены». Окончание Московского университета и работа в качестве врача в г. Воскресенске (Истра) и в Звенигородской больнице.
1885. Сотрудничество в «Новостях дня» и в «Петербургской газете». Пребывание летом в Бабкине. В декабре — первая поездка в Петербург.
1886. Начало сотрудничества в «Новом времени». Выход в свет сборника «Пестрые рассказы». Летом — в Бабкине.
1887. Апрель — май — поездка на юг и в Таганрог. Август — выход сборника «В сумерках». Сентябрь — выход сборника «Невинные речи». Знакомство с В. Г. Короленко. Ноябрь — первое представление пьесы «Иванов» в театре Корша.
1888. В журнале «Северный вестник» № 3 напечатана повесть «Степь». Лето — в Сумах на Украине. Июль — август — путешествие по Крыму и Кавказу. Октябрь — присуждение премии имени Пушкина за сборник «В сумерках».

* В скобках даты указываются по старому стилю.

1889. Большой успех «Иванова» в Александринском театре в Петербурге. Июль — смерть брата Николая. В сборнике «Памяти Гаршина» напечатан рассказ «Припадок». В № 11 «Северного вестника» — «Скучная история».
1890. Апрель — отъезд из Москвы на Сахалин. Письма с дороги. Очерки «Из Сибири». Приезд в июле на Сахалин. Исследование каторги. Октябрь — отъезд из Сахалина через Великий и Индийский океаны.
1891. Март — путешествие по Западной Европе: Вена, Венеция, Флоренция, Рим, Монте-Карло, Париж. Лето на даче в Богимове, возле Алексина. Начата работа над «Островом Сахалином», написаны повести «Дом с мезонином», «Дуэль», «Бабы».
1892. Участие Антона Павловича в помощи голодающим крестьянам. Покупка усадьбы в Мелихове. В № 11 журнала «Русская мысль» напечатана «Палата № 6».
1893. Зима в Мелихове. В «Русской мысли» напечатан «Рассказ неизвестного человека». Работа Антона Павловича по народному образованию.
1894. Ухудшение здоровья. Поездка в Крым. Осень в Южной Европе: Вена, Аббатия, Милан, Ницца. В «Русской мысли» № 1—2 напечатано «Бабе царство», в «Русских ведомостях» — «Скрипка Ротшильда», «Учитель словесности», «В усадьбе» и «Рассказ старшего садовника».
1895. Поездка в Ясную Поляну к Льву Толстому. В «Русской мысли» напечатано «Три года», в «Русских ведомостях» — «Анна на шее». Выход отдельным изданием «Острова Сахалина».
1896. Мелихово. 29(17) ноября — первое представление «Чайки» в Александринском театре в Петербурге. Провал пьесы. Спешный отъезд А. П. Чехова из Петербурга в Мелихово. В приложениях к «Ниве» напечатана «Моя жизнь».
1897. Весной обострение туберкулеза, кровохарканье. Пребывание в клинике проф. Остроумова в Москве. Посещение Чехова Львом Толстым. Отъезд за границу. Лечение в Биаррице и Ницце. В «Русской мысли» № 4 напечатаны «Мужики». Вышел сборник пьес, включающий «Дядю Ваню».
1898. Конец близости с Сувориным. Октябрь — смерть отца. Покупка участка в Ялте и постройка «белой дачи». 29(17) октября — первое представление «Чайки» в Московском Художественном театре. Огромный успех. Знакомство с О. Л. Книппер. В «Русской мысли» № 8 напечатаны «Крыжовник», «О любви», «Человек в футляре».
1899. Продажа права собственности на сочинения А. Ф. Марксу. Март — апрель — встречи с Максимом Горьким в Ялте. Ноябрь — первая постановка «Дяди Вани» в Художественном театре. Редактирование собрания сочинений. Продажа Мелихова. Переезд на постоянное жительство в Ялту.
1900. Избрание Антона Павловича почетным академиком по разряду изящной словесности. В журнале «Жизнь» № 11 напечатана повесть «В овраге».
1901. 12 февраля (31 января) — первое представление пьесы «Три сестры» в Художественном театре. 7 июня (25 мая) — женитьба на О. Л. Книппер.

пер. В конце года совместно с М. Горьким — посещение Льва Толстого, жившего тогда в Крыму, в Гаспре.

1902. 8 сентября (25 августа) Антон Павлович отказывается от звания почетного академика в знак протеста против исключения из числа академиков Максима Горького.
1903. Второе издание собрания сочинений в качестве приложения к журналу «Нива». В «Журнале для всех» № 12 напечатан последний рассказ Антона Павловича — «Невеста».
1904. 30(17) января — первое представление «Вишневого сада» в Художественном театре в Москве. Чествование Антона Павловича в связи с днем его рождения и двадцатипятилетием литературной деятельности. Резкое ухудшение здоровья. Отъезд в Баденвейлер для лечения. Смерть в ночь на 15(2) июля. Похороны А. П. Чехова 22(9) июля в Новодевичьем монастыре в Москве.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- М. Горький и А. П. Чехов. Переписка, статьи и высказывания. Под ред. С. Балухатого. Изд. Академии наук СССР. М.—Л., 1937.
- Громов Л. П. Этюды о Чехове. Ростиздат, 1951.
- Дерман А. А. А. П. Чехов. Критико-биографический очерк. М., Гослитиздат, 1939.
- Ермилов В. А. П. Чехов. М., «Советский писатель», 1954.
- Ермилов В. Драматургия Чехова. М., «Советский писатель», 1951.
- Роскин А. Антоша Чехонте. М., «Советский писатель», 1940.
- Соболев Ю. Чехов. М., Журнально-газетное объединение, 1934.
-